

05.01.1
ПЕТ

Г. Панфилов,
А. Червинский

ТЕМА

Панфилов Глеб Анатольевич родился в 1934 году в Магнитогорске. В 1957 году окончил Уральский политехнический институт, работал инженером на заводе. Как кинолюбитель снял документальный фильм «Вставай в наш строй». Работая на Свердловской студии телевидения, поступил на заочный операторский факультет ВГИКа.

Окончив три курса, был принят на Высшие режиссерские курсы. Дипломной работой стал фильм «В огне брода нет» [1967], сразу же утвердивший за режиссером место в ряду ведущих мастеров советского кино; затем последовало «Начало» [1970] — сценарии обеих лент написаны в соавторстве с драматургом Евгением Габриловичем.

В 1972 году Панфилов пишет сценарий «Жизнь Жан-

ны д'Арк» [не поставлен]. В дальнейшем он создает ряд значительных фильмов: «Прошу слова» [1976, по собственному сценарию; приз на Международном кинофестивале в Карловых Варах], «Валентина» [1981, по пьесе Александра Вампилова «Прошлым летом в Чулимске»], «Васса» [1983, по пьесе Максима Горького «Васса Железнова», золотой приз Международного кинофестиваля в Москве]. В 1988 году приступил к съемкам фильма «Запрещенные люди» [по роману М. Горького «Мать».

Фильм «Тема» [сценарий написан в соавторстве с Александром Червинским] снят в 1979 году, на экраны выпущен в 1986-м, удостоен на Международном кинофестивале в Западном Берлине главного приза «Золотой медведь» и четырех других наград.

85.374

17 167

Библиотека кинодраматургии

Москва «Искусство» 1989

Г. Панфилов,
А. Червинский

ТЕМА

Киносценарий

ББК 85.374
П16

П 4702010203-117 42-89
025(01)-89

ISBN 5-210-00460-0

ИНВ. № 146865

Москва

Издательство «Искусство», 1989 г.

19 Г.

Хабаровский край госуниверситета

институт культуры

Гудел мотор, и плыли за окном машины заснеженные поля,
холмы и овраги.

— Боже, сколько красоты кругом, сколько белизны и по-
коя! — говорил мужской голос. — Край мой, скромный, чистый,
родной, сколько радости, сколько нежных глубоких чувств при-
несли сердцу моему твои завьюженные просторы!..

— ...прими мою любовь и мою признательность, край мой, —
продолжал голос. — Я воскрес душой возле тебя — все суще-
ство мое наполняется твоей красотой. И душа моя и мой слух,
мое зрение, все чувства успокаиваются возле тебя, озаренные
тобой, красота моя, счастье мое.. Как много добра подарил ты
мне, как засиял предо мною мир людской на твоём чистом фоне,
как подобрел я сам. Как наполнил меня ты до края желанием
творить добрые дела для моего народа. Любвью ты наполнил
сердце мое, вдохновил меня на понимание великого... — И так
далее и тому подобное, что-то в этом роде... Тут князю подводят
коня, и он едет к своей дружине... Приеду, обязательно запишу.

Щелкнула кнопка магнитофона, и заиграла музыка. Это была
известная песня Ф. Шуберта из вокального цикла «Зимний путь»:

«Вот старик шарманщик у ворот стоит
Знай себе играет, весь иззяб, дрожит
Босый на морозе, смотрит он в суму,
Но никто ни гроша не подаст ему »

Другой голос, тоже мужской, попросил:

- Выключи.
- Не выключу, — ответил первый голос
- Выключи, тебе говорят!
- Не выключу!
- Мало того, что у тебя вечная хандра, — сказал второй го-
лос, — ты еще этой музыкой хандру нагоняешь!
- Меня она просветляет, — ответил первый голос.
- А меня угнетает!
- Дубина ты, это же Шуберт!

Музыка заиграла громче.

— Останови машину! — заорал первый голос. — Я выйду!

— Нет уж, сиди! — заорал в ответ второй. — Лучше я выйду!..

Машина встала на обочине асфальтовой дороги в открытом поле. Из кабины выскочил человек в модной дубленке, в пыжиковой шапке.

Хлопнул дверцей и зашагал прочь в обратную сторону. Обернувшись, он крикнул:

— Езжайте сами! Без меня.. И без Шуберта.. С Пахмутовой!..

Голос сидящего в машине сказал:

— Псих, дурак ненормальный!.. Светка, иди догони его.

Женский голос ответил:

— Он меня не слушает. Лучше вы сами.

Задняя дверца открылась, из нее вылез тучный мужчина, тоже в дубленке, в пыжиковой шапке. Опираясь на палку, он крикнул:

— Ким!..

Человек, выскочивший из машины первым, шел не оглядываясь.

— Ты что, стекла нажрался?! Мы ж тут околеем без тебя. Вернись! — звал человек с палкой.

Ким продолжал идти. Тогда человек с палкой побежал за ним, сильно припадая на левую ногу.

Ким обернулся, постоял и пошел обратно.

— Однако... — прерывисто дыша, сказал человек с палкой, — ты шустрый!

Ким молчал.

— Подумаешь, я люблю Пахмутову, а ты — Шуберта, что из того? Я, между прочим, люблю еще и тебя, психа. И очень хочу, чтобы ты отключился. Отдохнул наконец...

— В могиле отдохну! — проходя мимо, мрачно произнес Ким.

— Ох-ох-ох! Мысли-то какие! — заковылял следом человек с палкой. — А кто гениальные пьесы будет лудить?

— Министр или замминистра!

Человек с палкой захохотал.

— Выкинь все из башки! — Он едва поспевал за Кимом. — Я и Светка будем тебе стряпать, а ты плюй в потолок, слушай своего Шуберта и отдыхай... Впрочем, мы и так уже отдыхаем. Смотри, простор-то какой!

— Это вы отдыхаете, а я вкалываю. Везу вас восьмой час подряд!

— Ну не злись. Я б тебя сам повез, да права отняли.

— Отняли — и молчи... Шуберт ему не нравится! А если я усну за рулем?

- Тогда — хрясь — и крышка.
— Вот именно — хрясь!
— Ну не злись... Дай я тебя обниму.

Человек с палкой попытался обнять Кима. Тот высвободился. Помог человеку с палкой забраться в машину. Сел сам. Машина поехала.

Известный драматург Ким Есенин ехал из Москвы в С. на своей машине и уже подъезжал. Рядом с ним Светлана, аспирантка Института культуры, милое существо в темных очках и бедной шубке из фальшивого леопарда, восторженно вглядывалась в даль.

Там на заснеженной равнине стоял город, весь в розовых восходных дымах, седой от инея и снега, с множеством церквей, соборов, кривых затейливых улочек и стаями галок над куполами.

Город стоял в стороне от железных дорог, без единой заводской трубы и кочегарки. Ему исполнилось девятьсот — закон охранял его.

— Боже мой, Ким Алексеевич, красота-то какая! — воскликнула Света. — Вот она, Русь белокаменная! Это же корни! Вот они, наши корни!

Ким морщился от слепящего света и думал: «Опять я еду куда-то. А зачем? Зачем менять место своего пребывания

если я сам не изменюсь уже никогда? . Стоп! Об этом хватит — надо работать, — приказал он себе, и мысль его потекла иначе... — Край мой, скромный, чистый, родной, пошли мне силы, разума, ясной мысли и долгих лет счастья! Спасибо тебе за сокровища, которые ты мне подарил, — за высокое вдохновение, за радость жизни, за великую любовь...»

Тут мысль опять прервалась — Ким увидел в зеркальце красное, полное лицо своего друга Пащина, на котором ясно выразились пятьдесят пять лет, бойкий ум, невоздержанность и доброта.

Пащин спал на заднем сиденье. Одной рукой он придерживал пишущую машинку в футляре, другой облокотился на внушительную стопку писчей бумаги в пачках.

«У Пащина одна нога, — стал думать Ким. — Он старше меня, чревоугодник, пишет черт знает какую ерунду и счастлив. А мне без малого пятьдесят, жених по нынешним временам, известный драматург, обласкан зрителями и начальством. Сижу в президиумах, а счастья нет. Исписался. Псих. Камни в почках. Все меня раздражает. Жизнь прошла зря... Край мой... Край мой, скромный, чистый, родной, — снова себя заставил работать Ким. — Ты обновил мою душу, очистил меня от тоски и скорби, обратил меня к красоте. И я стал тем, для чего родила меня мать моя, — добрым и радостным. Ты напоил мое сердце любовью, миром и счастьем. ».

Слева и справа замелькали дома старой постройки, цветы за мерзлыми стеклами, деревья в сугробах, прохожие — машина въехала в город. Мелькнула лошадь, запряженная в сани.

— Лошадь! — снова воскликнула Света. — Смотрите, лошадь! Какая прелесть, санки!..

— Третий поворот налево, — не открывая глаз проронил Пашин.

Мелькали за окном «Икарусы» с туристами. Вот синий «форд», серебряный «фольксваген», за ними «Чайка», «Волга», грузовик — в кузове три серые лошади в яблоках, очевидно для праздника «русской зимы», — движение было оживленным.

Ким сбросил газ, затормозил.

— В чем дело? — спросил, все так же не открывая глаз, Пашин.

— Налево знак.

— Сворачивай, не бойся.

— Не могу — «кирпич».

— Не бойся. У меня здесь вся милиция — друзья.

Ким повернул — свисток.

— Ну, вот! Теперь дырку сделают. — Ким выразительно посмотрел на Пашину. — «Вся милиция — друзья!..»

— Не морочи, — сказал Пашин и не спеша вылез из машины.

Перед ним, будто снеговик из сугроба, возник младший лейтенант ГАИ.

— В чем дело? — строго спросил Пашин.

Младший лейтенант застыл от удивления.

— Товарищ Пашин, вы?! — Он вытянулся, взял под козырек.

— Я.

— Опять к нам, Игорь Иванович, новую книжку писать?

— К вам, новую книжку писать.

— Что, ностальгия по родным местам?

Пашин кивнул.

— А я, вы знаете, графоман — люблю книжки читать, — сказал младший лейтенант, с нескрываемым обожанием глядя на писателя. — У меня все ваши произведения есть. Полное собрание сочинений!.. Особенно люблю — «Прощенья нет» и «Сильных не жалко». Отличная диалогия. Бестселлер!..

— Спасибо.

Из машины показался Ким, пошел не спеша.

— У нас в ГАИ, Игорь Иванович, все ваше творчество любят. Круто пишете. Настоящая литература.

— Спасибо, спасибо, дорогой!..

— Автограф, если можно, Игорь Иванович... извините за настырность. К вам, наверно, многие пристаю?..

— О чем речь! — охотно согласился Пашин. — Для друга — всегда пожалуйста! — И, незаметно подмигнув Киму, полез за авторучкой.

— А вы права, пожалуйста, — сказал драматургу младший лейтенант и взял под козырек.

Ким грустно посмотрел на Пашина. Тот в это время снимал колпачок с авторучки.

— Вот здесь, пожалуйста, — сказал ему младший лейтенант, подставляя аккуратненький блокнот. — Это для меня... Младший лейтенант Синицын. Юрием зовут... А здесь, — он перевернул страницу, — для моей пассии...

— Для кого? — не понял Пашин.

— Для пассии моей, — повторил младший лейтенант. — Александрой зовут.

— Невеста, значит?

— Никак нет! Страдаю без взаимности.

Пашин поставил автограф и для пассии.

— Ну а здесь, — младший лейтенант ослепительно улыбнулся и перевернул еще страницу, — для майора...

— Может, хватит, Юра?

— Да что вы, Игорь Иванович! Это ж для Курепова, начальника ГАИ... Он вас знает как уважает!

Пашин расписался и для начальника ГАИ.

— Вот спасибо!.. А-а-громное спасибо, Игорь Иванович, — поблагодарил младший лейтенант.

— Для друзей — всегда пожалуйста, — ответил Пашин, протягивая руку. — Будь здоров, Юра! Привет майору!

— Есть — привет!

— Ну, мы поехали. — Пашин направился к машине.

— Айн момент, Игорь Иванович, — сказал смущенно младший лейтенант, — извините, я вас малость задержу. — И занялся правыми. — Е-се-нин, — прочитал он нараспев. — «Ты меня не любишь, не жалеешь». — Беспристрастно сверил оригинал с фотографией на документе.

«Вот еще эта фамилия, — подумал Ким, — мой бич со школьной скамьи».

— Мой лучший друг! — сказал Пашин, положив свободную руку Киму на плечо. — Прошу любить и жаловать — знаменитый драматург.

— Знаем, знаем, — улыбнулся младший лейтенант.

— «Вербное воскресенье», «Рождь», «Крымский мост», «Сладкая ягода»...

— Видели, видели...

— Лауреат государственных премий, — старался Пашин

— А правил уличного движения не соблюдает, — сказал младший лейтенант уже без улыбки. — Знак видели?

— Видел.

— Зачем поехали?

— Понимаешь, Юра, это я его попросил, — вступился Пашин. — Сам он не хотел.

— Понимаю, Игорь Иванович, некрасиво получается, — смущенно сказал младший лейтенант. — Друга подвели...

— Ну прости, Юра, — широко улыбнулся Пашин.

— Вас-то я прощу, а вот друга вашего не прощу, Игорь Иванович, — сказал честно младший лейтенант, сознавая, что навсегда может потерять расположение любимого писателя.

— Ну прости его, дорогой!.. Ведь он живой классик! Его студенты в институте изучают!

— Не имею права, Игорь Иванович, у нас все равны!

— А он равнее! — настаивал Пашин. — Не в службу, а в дружбу, Юра..

— Не просите, Игорь Иванович! — взмолился младший лейтенант. — Вы ж сами учите. Помните, в «Сильных не жалко» капитан милиции Петушков говорит своему другу детства, когда задержал его с поличным: «Дружба дружбой, а служба службой!..»? Так что не обижайтесь на меня, Игорь Иванович... У нас тут режимный город. Интуристы! У нас козы и те давно под

«кирпич» не ходят. А ваш друг поехал. Грубейшее нарушение...— И, повертев в руках водительский талон, младший лейтенант Сеницын сделал на нем дырку, после чего с облегчением вздохнул.

Из окна машины на них скорбно смотрела Светлана.

— Я же говорил! — махнул устало Ким.

— Однако, братец, ты и свинья! — сказал милиционеру Пашин.

— Это кто же свинья?! — опешил младший лейтенант. — Я, что ли?!

— Ты, милый, ты! — сказал Пашин. — Кто же еще кроме тебя?!

— А вот это уже совсем некрасиво, Игорь Иванович, — сказал младший лейтенант, возвращая Киму права. — За что вы меня так? Я ведь на посту... Оскорблять работников милиции при исполнении служебных обязанностей есть криминал... За это, между прочим, срок полагается.

— Это мне-то срок?! — возмутился Пашин.

— Вам, Игорь Иванович, а то кому же? — ответил младший лейтенант. — Десять суток, не меньше...

Младший лейтенант Сеницын заметно волновался.

— Пугать вздумал? — шагнул к нему Пашин.

— Зачем пугать, я серьезно.

— Ах ты, щенок! — взорвался Пашин. — Молокосос! — И он схватил младшего лейтенанта за обшлага.

— А вот за это, Игорь Иванович, уже год, не меньше, — предупредил младший лейтенант. — Советую не касаться!

Пашин оттолкнул его. Младший лейтенант не удержался и рухнул в снег.

— А вот за это будет до пяти, — сказал он лежа в сугробе.

Ким быстро нагнулся к нему, помог подняться.

— Товарищ младший лейтенант, ради бога, простите его! — сказал он. — Не обращайтесь на него внимания. Он инвалид войны. У него нервы не в порядке... Давайте поговорим спокойно. Я вам кое-что объясню.

— Слушаю, — отряхиваясь от снега, сказал младший лейтенант, потом добавил: — Кстати, а пропо, вот и свидетель есть. Дядя Федя! — позвал он. — Иди-ка сюда!..

Подошел дядя Федя в стареньком полушубке, поздоровался со всеми.

— Ты видел, дядя Федя? — спросил младший лейтенант.

— Чего? — спросил дядя Федя озираясь.

— Как меня вот этот гражданин, — младший лейтенант показал на Пашина, — за грудки и в снег?

— Видел. А чего такое?

— Свидетелем будешь.

— Не-е, не буду, — покачал головой дядя Федя — С ними, иностранцами, лучше не связываться!

— Да какие они иностранцы, дядя Федя! — успокоил старика младший лейтенант. — Ты что, своих не узнаешь?.. Видишь, «Волга» — московский номер...

— Тогда другое дело, — кивнул дядя Федя. — Тогда согласен. А чего случилось-то?

— Ничего, — сказал младший лейтенант. — Когда надо будет, узнаешь...

— А чего мне теперь делать?

— Иди.

— А куда идти-то?

— Куда шел.

Дядя Федя пошел.

— А теперь слушаю вас, — обратился младший лейтенант к Киму, — вы что-то имели сказать?..

Младший лейтенант старался держаться непринужденно. Однако Ким видел, как руки его дрожали и как он весь вспотел от напряжения.

— Дело вот в чем, — сказал Ким. — Мне довелось на прошлой неделе встречаться с вашим министром за дружеским столом. И помимо всего прочего речь там зашла знаете о чем? — Ким сделал паузу.

— Не могу знать, — насторожился младший лейтенант и вспотел еще больше.

— А речь там зашла вот о чем, — продолжал Ким. — Об этике поведения младшего командного состава нашей милиции...

— Ясно, — чувствуя намек, кивнул младший лейтенант и, приподняв ушанку, вытер пот со лба. — Хотите меня уволить? — спросил он.

Ким молчал.

— Можете, конечно... Только я прав, — сказал младший лейтенант. — И за правду готов держать ответ хоть перед министром...

— А вот это вы хорошо сказали! — заметил Ким. — Другого я от вас не ждал. И вот министр сейчас был бы вами доволен...

— Рад стараться.

Младший лейтенант Синицын застыл по стойке «смирно».

— Мы можем ехать? — спросил Ким.

— Желаю творческих успехов!..

В машине Пацин трясущимися руками достал тубик с нитроглицерином, положил под язык и глухо спросил:

— У нас водка есть?

— Есть, — оживилась Светлана.

— Сколько?

— Литр.

— Напьюсь, — сказал Пашин

— Неужели вы целый литр выпьете, Игорь Иванович? — удивилась Светлана.

— Литр не выпью, но отопью много, — ответил Пашин.

Ким включил Шуберта.

— Да выключи ты его! — рявкнул Пашин. — Тишины хочу, тишины!..

Ким выключил.

«Я люблю Пашина, — думал он. — Игорь мне как брат... Кто я был бы без него и был бы я вообще? Он спас мне жизнь, выучил... А этот младший лейтенант Синицын — хорош! Обожает Пашина больше, чем Льва Толстого, а прокол мне все-таки сделал, стервец!.. На конфликт пошел с любимым писателем. Даже вспотел, бедняга... Вот они, зримые плоды нашей литературы! Младший лейтенант Синицын поступил как капитан Петушков. И ничего тут не попишешь — факт!.. Наш сегодняшний Пигмалион на протезе, с палкой и его Галатеей... В сапогах, в ремнях и полушубке... Однако я зол и оттого необъективен... В сущности, ведь прав младший лейтенант, а не мы... Я нарушил — он наказал... Обычная история... Уеду отсюда!.. Отвезу Игоря, перекушу и уеду. Вот опять «кирпич»! Отвратительный город — невозможно ездить...».

Наконец они подъехали.

— Тормози! — ожил Пашин. — Приехали...

Машина остановилась у каменного дома с высокими окнами, с войлоком на дверях, водосточными трубами в жестяных кружевах, с поленницей дров во дворе и охрипшей собачонкой.

— Наверняка сортир на морозе, — мрачно произнес Ким.

— Точно! — весело захотел Пашин.

— А в доме небось цветной телевизор?

— И телефон!

«Вот они, реалии старого в содружестве с новым, — подумал Ким. — Нужник во дворе, а в доме телефон и цветной телевизор».

Они вышли из машины.

— Ау-у, баба Маня! — радостно завопил Пашин, ковыляя к дому.

«Завидую Игорю, — думал Ким. — Что за характер! Бодр и весел, будто из бани... А у меня настроение испорчено на неделю. Впрочем, ничего удивительного: «дырку»-то сделали мне, а не ему... Да, у него-то права вообще отняли. И было-то

это всего третьего дня. И ничего себе — весел. Замечательный характер! Мне бы такой... Боже мой, в правом боку кольнуло. До чего же все плохо! Зачем я поехал?..».

На крыльцо выскочила, накинув серый платок, бледная интеллигентная старуха в шелковом платье и, прижав ладони к щекам, запричитала:

— Игорек! Игорек мой родной приехал!.. Дай же мне тебя обнять, друг мой!..

«Ну, вот, пошел театр, — тоскливо подумал Ким. — Уеду сейчас же, без обеда...».

— Здорово, старуха! — кричал Пашин, целуя ее. — Замуж еще не выскочила?.. Вот я тебе жениха привез, узнаешь?..

— Не может быть! — всплеснула руками старуха. — Ким Алексеевич Есенин...

— Он самый! — хохотал Пашин. — Знакомься, баба Маня, мой сын полка и соратник... Парень-огонь! Ты, старик, — хлопнул он Кима по плечу, — с ней не очень-то вольничай. Баба Маня у меня девица!

— Все такой же балагур, — махнула на Пашина рукой пенсионерка, прощая ему чудовищные шутки. — Все такой же!.. Мария Александровна, — старуха протянула Киму свою сухонькую ручку.

— Ким Есенин, — представился Ким. — А это Светлана.

№ 144865 19
Хабаровский государственный
институт культуры

— Дочка ваша?

«Идиотка!» — подумал Ким и сказал:

— Это моя ученица...

— Баба Маня, марш в дом, застудишься! — командовал Пашин и, выхватив из сумки палку копченой колбасы, замахнулся на нее. — Печь топи!.. Мы тебе мяса привезли, продуктов. Пир устроим!

Ким и Светлана вынимали из багажника продукты.

Освободив багажник, Ким хлопнул крышкой и сказал:

— Ну, я поехал.

— Куда?! — застыла с тяжелыми сумками в руках Светлана.

Не выдержав ее отчаянного взгляда, Ким ответил:

— Так, проветрюсь немного.

— А как же я!

— А ты помоги пока хозяйке.

— Только вы не задерживайтесь, пожалуйста! А то я буду очень волноваться...

— Хорошо, — улыбнулся ей Ким и подумал: «Зачем я ее привез? Дурак!..»

Он сел за руль, хлопнул дверцей и резко взял с места.

На почте, куда он приехал, была автоматическая связь с Москвой.

Ким набрал номер и услышал голос Ольги, прежней, разведенной жены своей.

— Алло! Алло! — звала Ольга.

— Ольга, это я, — сказал он.

— Кто «я»?

— Ким.

— Ким? Громче! Ничего не слышу... Откуда ты?

— Я под Ярославлем.

— Что ты там делаешь?

— Ольга, мне очень плохо. Я хочу тебя видеть.

— А я тебя — нет.

— Оля, я одинок. Я хочу, чтобы ты приехала.

— Куда?

— Сюда, ко мне. Ты приедешь?

— Да... То есть, конечно, нет! Почему я должна к тебе приезжать? Мы с тобой три года в разводе.

— Ну и что?

— Как «ну и что»? Я тебе не жена.

— Оля, ты мне больше чем жена. Ты мне как мать.

— Нахал! — рассмеялась в трубке Ольга. — Ты бы лучше спросил, как твоя дочь.

— Я знаю. Она мне вчера звонила из Новосибирска.

— А сегодня она уже в Сочи.

— Как?!

— Вот так... С мужем. По «горящим путевкам». Звонила мне и просит денег.

— Но ведь я же ей посылал три дня назад. Куда она их дела?

— Как — куда? А путевки?.. А билеты на самолет?

— Лучше бы я тебе не звонил!..

— Впредь будь осторожней!.. Ты там с кем? С очередной девицей?

— С Пашиным я!

— Привет Пашину и девице! Извини, у меня редсовет.

— А куда посылать-то?.. — спохватился Ким.

— Сочи. Санаторий «Орджоникидзе».

Она повесила трубку.

«Как всегда, ничего не поняла, — подумал Ким. — Вообразила холостяцкий загул и веселых девиц. Критикесса!.. Амазонка в климаксе!»

Он вышел на мороз. Поежился от холода.

По дороге неслись четыре русские тройки с иностранными

туристами, вероятно из ГДР. Туристы пели хором по-немецки «Подмосковные вечера».

Ким сел в свою машину. Включил печку и подумал:

«Зачем я живу?.. Зачем пишу пьесы? И главное, в толк не возьму, зачем их ставят театры? Когда есть Гоголь, Чехов, Горький?.. Есть Булгаков, Погодин, Вампилов?.. Если я сам знаю про себя, что давным-давно кончился, а может быть, никогда и не начинался... Все, хватит! Никогда больше ни строчки не напишу!..»

Ким вздрогнул — кто-то постучал в стекло. Повернул голову. Это был младший лейтенант Сеницын.

«Черт возьми, он меня просто преследует!» — подумал Ким.

— Товарищ Есенин, пустите погреться, — попросил младший лейтенант, и на молодом лице его возникла искаженная морозом виноватая улыбка.

Ким рассеянно посмотрел на него и открыл заднюю дверцу.

Младший лейтенант молча залег и застыл, греясь.

«И все, о чем мечталось, уже сбылось, — вспомнил Ким. — И что не удавалось, то удалось. Отсталость наверсталась давным-давно. Осталась лишь усталость. Не мудрено!..»

— И думаешь о смерти уже давно, — добавил он вслух от себя. — Господи, как я одинок! Умру, и ведь никто, ни одна живая душа не хватится меня — день, два, три, а то и целую неделю...

Младший лейтенант Сеницын не мигая смотрел на драматурга. Слушал.

— Ну жели не найдется на свете человека, который полюбил бы меня по-настоящему, хотя бы из жалости, из сострадания?! — продолжал Ким. — Однако есть хочется... Пошлость какая — этот прекрасный аппетит при постоянных размышлениях о смерти!

— Это точно! — сказал лейтенант. — И у меня так же!.. Человек несовершенен...

Ким удивленно взглянул на него. И стало ясно, что он забыл о его присутствии.

— Да вы, как я погляжу, философ, товарищ Сеницын, — сказал Ким.

— Есть маленько, — ответил младший лейтенант скромно. — Профессия располагает.

— Как же это? — поинтересовался Ким.

— Очень просто... Ночью, скажем, стоишь на дежурстве. Мороз... Звезды в небе — с кулак. Созерцаешь. Тишина. Покой. А мозг в это время бешено работает.

— А как же в это время нарушители? — улыбнулся Ким.

— Нарушители? — на секунду задумался младший лейтенант. — А нарушители спят. Ночь на дворе, — улыбнулся он. Юмор младший лейтенант понимал.

— А насчет вашего министра — это я все наврал, — сказал Ким. — И за дружеским столом я с ним не сидел и в глаза его не видел.

— Ясно! — несколько не удивившись, ответил младший лейтенант. — На понт меня брали?

— На понт.

— Понял.

На противоположной стороне улицы виднелась вывеска в неоновом оформлении: «Ресторан «Боярские палаты».

Ким вышел из машины, за ним вылез младший лейтенант.

Драматург закрыл машину на ключ и резво, козликом, побежал обедать. Младший лейтенант Синицын пошел на пост. Калоши его посвистывали на снегу.

Отобедав, Ким Есенин попал в музей.

«В художественной вещи красота красотой, но сила ее заключается в правде, — думал он, ковыряя в зубах спичкой. — Может быть бессильная красота (эстетизм), но правда бессильная не бывает...».

Ким зашел сюда случайно, прибудившись к группе школьников. Нервный экскурсовод кричал на них, боясь за экспонаты: — Только без рук, без рук, дети! Ясно?! Не лапать!

Вскоре они ушли.

«Были люди сильные и смелые, и великие артисты были, — продолжал думать Ким. — Но суть русского человека — в правде...». Он обвел рассеянным взглядом пространство музейного помещения, где были выставлены предметы крестьянского быта дореволюционных времен...

...В голубоватом люминесцентном сиянии перед ним висел за стеклом драный овчинный тулуп, а рядом в рамке помещался портрет очень худого небритого мужика, увеличенный с маленькой фотографической карточки.

Мужик глядел прямо перед собой, и от этого казалось, что его сердитый и печальный взгляд преследует посетителя.

«Вот так взгляд! — подумалось Киму. — Колючий, как правда... Красивый...».

Ким отошел в угол.

Мужик смотрел на него.

Ким отправился в другой угол.

«Не столько в красоте, сколько в правде сила русской литературы... Почему я вдруг о литературе?..»

Мужик смотрел на него.

«Однако спать хочется, сил нет. Сейчас рухну, — подумал Ким и, сев на табурет, стоящий у стены, закрыл глаза. — Ну вот, опять в бокую кольнуло!.. Мне нельзя вина. Зачем пил! Только чтоб официанта не обидеть...».

Ким открыл глаза, потому что услышал французскую речь.

У витрины с тулупом стояли иностранцы, в своих разноцветных курточках, пиджачках и штанишках похожие на старых детей.

Девушка-экскурсовод рассказывала что-то иностранцам. Голос ее звучал спокойно и негромко.

«Французы, — уныло подумал драматург. — Чего лопочут — не понимаю. И по-английски не понимаю... И по-немецки... Писатель!.. А Пушкин шесть языков знал. А я — ни черта!.. Жертва воспитания — английский со словарем. Грамматику помню, а языка не знаю...».

Ким встал и подошел поближе, чтобы послушать. Но все равно ничего не понял, так как говорила девушка по-французски.

«Вот ведь умеет, — позавидовал девушке Ким, вслушиваясь в спокойную музыку ее речи. — И про Пушкина небось все знает. И не заигрывает перед иностранцами, не суетится. Молодец!..»

Выражение ее лица было какое-то легкое, жесты скупы и точны. Одета она была в простое шерстяное платье, казавшееся на ней необычайно элегантно. При всем том она была весьма скромная, неяркая девушка.

«Очень естественна, — подумал Ким. — И проста... Нет, не проста, пожалуй, а именно естественна. И оттого ни на кого не похожа...».

И вдруг сообразил:

«Так она ж француженка! Ха-ха... Как я сразу не понял. Оттого так и естественна и платье носит, как у нас ни одна манекенщица не сможет... В том-то и секрет, что естественна. Нормальный человек. Как это они там в Париже достигают, черт их дер!»

Убедившись, что она француженка, Ким смотрел на нее уже другими глазами и фантазировал:

«Интересуется Россией... Наверное, учится у нас в аспирантуре по обмену. Сейчас таких полно... Вот подойду к ней и познакомлюсь. Чем черт не шутит!..»

Теперь девушка читала стихи. Остальные, присмирив, слушали. Она встретила с Кимом глазами.

Он поспешно улыбнулся ей и тут же смутился.

Она дочитала стихи и пошла к выходу из комнаты. Остальные потянулись за ней.

«Жаль, мадемуазель, никогда я вас больше не увижу. И все, — сказал себе Ким. — И оревуар...».

Мужик с портрета смотрел на него в упор.

«Чего уставился, дядя? — подумал Ким. — Почитай, что она уже в Париже. А мы с тобой — дома... Прочешь, что ли, как тебя зовут?...» И прочитал вслух:

— Александр Егорович Чижиков... — Потом добавил: — Еще один чижик!

И пошел за иностранцами.

В вестибюле старики надевали свои мальчишковые шубки и целовали девушке руки.

Один из них, помоложе, протянул ей пластинку на сорок пять оборотов в ярком конверте.

Все ушли, а она осталась.

«Точно, аспирантка, — решил Ким. — Вот возьму и подойду...».

За стеклянной перегородкой экскурсбюро она капала себе в нос лекарство. У нее был насморк. Кап-кап — и задышала носом.

«Даже насморк у нее особенный — нездешний», — подумал Ким.

Он следил за ней не таясь. Ясно было, что она не выделяет его среди других посетителей музея.

Тем временем девушка подошла к окошку кассы, наклонилась, расписалась в ведомости, получила деньги, пересчитала их, положила в сумочку и сказала на чистом русском языке:

— Спасибо, тетя Клава...

«Вот тебе раз! — удивился драматург. — Наша...».

Девушка шла по анфиладе музейных залов. Ким следовал за ней, еще не веря до конца в свою ошибку.

Они оказались в полутемном служебном помещении цокольного этажа, где стояло несколько старинных надгробий, перенесенных в интерьер с местного кладбища для реставрации.

Ким сразу услышал английскую речь и увидел у стены младшего лейтенанта Сеницына.

Девушка немедленно направилась к нему.

«Опять он!» — мелькнуло в голове у Кима.

Драматург шагнул за надгробие XV века и оттуда, невидимый, стал наблюдать.

Младший лейтенант Сеницын выключил портативный магнитофон, и голос мистера Диксона, читавшего очередной урок английского языка, тотчас умолк.

— Хау ар ю? — обратился к девушке с вопросом по-английски младший лейтенант.

— Ты видел? — тихо спросила по-русски девушка, и Киму показалось, что голос ее дрогнул.

Младший лейтенант Сеницын кивнул.

— Когда? — еще тише спросила девушка.

— В семнадцать ноль-ноль, — по-военному четко ответил младший лейтенант и посмотрел на часы. — То есть как раз сейчас... В данный момент.

Она молча опустилась на стул, стоявший у стены, — казалось, ноги изменили ей.

Младший лейтенант быстро извлек из глубокого кармана своего тулупа небольшой термос, отвинтил стакан, плеснул в него чаю, протянул девушке.

— Выпей, Саша, — сказал он мягко, даже нежно.

Она молча отвела его руку.

— Я все передал и сделал, как ты велела, — сказал младший лейтенант.

— Ну, вот и все, — сказала она, глядя в пол. — Это конец... Из глаз ее покатались слезы.

Младший лейтенант Сеницын страдальчески смотрел на нее.

«И не просто наша, а местная, — решил Ким. — Стала бы французенка знаться с регулировщиком... И платье у нее наше и наш сморк... Однако откуда она такая взялась? И вообще, что здесь у них происходит?..»

— И это пройдет, — сказал младший лейтенант Сеницын. Она его не слышала.

— Ничто не вечно под луной, — продолжал младший лейтенант. — Время исцеляет все.

«Да, он все-таки философ», — подумал Ким.

Она расстегнула пуговицу на воротнике — очевидно, та стесняла дыхание. Потом вдруг поднялась, быстро подошла к окну и с силой, которую в ней трудно было предположить, распахнула его. Ветер и снег ударили ей в лицо, закружили по помещению.

Младший лейтенант Синицын махнул за ней прямо через надгробие. Оказалось, он был очень спортивен.

— Так ведь и простудиться можно, Саша, — сказал он, пытаясь увести ее от окна.

«В самом деле, — подумал Ким. — У самой насморк, и меня простудит».

Он повжился от холода и поднял у куртки воротник.

«И все же что у нее стряслось? — снова подумал он. — Любопытно... Очень любопытно».

Младший лейтенант Синицын не без труда закрыл окно. Саша дрожала.

— Ты где раздевалась? — спросил он, обняв ее за плечи.

Она промычала что-то невнятное. Он повел ее.

У выхода они остановились.

Она сказала ему:

— Юра, милый, спасибо тебе!

— Да за что, Сашенька?! — искренне удивился младший лейтенант.

— Ты знаешь, — сказала она тихо и поцеловала его в щеку. — Ты настоящий друг!

— Да я!.. Для тебя!.. Луну достану! — воскликнул младший лейтенант в приливе какого-то огромного нахлынувшего чувства. — Ты, Сашенька, мой бедный гений! — И, убедившись, что кругом ни души, он стал читать:

«— Лай собаки, вдруг слышу, раздался,
И бессонный петух прокричал.
Бедный гений в мозгах застучался,
Сочинять я куплеты начал...»

«Что за бред? — удивился драматург. — Неужели она эту муть пишет?.. Так она поэтесса!.. «Бедный гений» — какая безвкусица!»

Девушка пошла.

— Когда я тебя увижу? — сказал ей вслед младший лейтенант.

Она не ответила.

Он выбежал за ней.

— Прилечу на крыльях! — сказал он, появляясь и светясь от счастья.

И вдруг, почувствовав что-то, младший лейтенант приблизился к надгробию XV века и, заглянув за него, увидел Кима.

— Товарищ Есенин, вы?!

Ким опустил глаза, молча протиснулся мимо, задев младшего лейтенанта, и быстро ушел.

Ким вышел на центральную площадь к торговым рядам.

Зажглись фонари. При электрическом свете город казался особенно уютным.

«То помираю, то за бабами бегаю, — рассуждал Ким. — Слава богу, что к ней не подошел. Она и этот младший лейтенант Синицын... Ох и влип бы в историю!..»

Теперь Ким шел вдоль торговых рядов.

В освещенных витринах, с морозцем на стеклах, виднелись интуристские плакаты с блинами, самоварами и русскими удалыми тройками, разноцветные лампочки и елки с серебристой алюминиевой хвоей.

«А все-таки интересно, — думал Ким, — что у нее за отношения с этим регулировщиком?.. Что за тайна у них?.. Этот дружеский поцелуй?.. Да ведь это ж лассия его! Александрой зовут, — вспомнил Ким. — Это ж для нее он сегодня у Игоря автограф просил!.. Неужто она за него замуж собралась?.. Нет, пожалуй, не похоже... А впрочем, почему бы и нет... Сейчас не так-то просто мужа найти... Однако она, эта барышня, — ничего... Она хоть и наша и местная, но в ней что-то есть — какая-то нездешняя естественность и здешняя славянская грусть, постоянная готовность принести себя в жертву... Этот регулировщик, хоть и влюблен, в подметки ей не годится... Английский учит... Интуристов штрафует на родном языке... Наверняка стишки пишет, имеет разряд по дзюдо! Напорист и неприхотлив... Однако что это я на него?.. Неужели завидую? Да, завидую... Энергии его завидую, напору, влюбленности его завидую...».

И тут Ким услышал песню Шуберта. Она доносилась из магазина «Культтовары».

«Надо же, Шуберт... Совпадение какое!» — подумал Ким и вошел в магазин.

Справа, у писчебумажного отдела, по случаю школьных каникул было пусто, а слева, в музыкальном отделе, толпились люди — парни и девушки.

Ким стал пробираться к прилавку.

...Но достиг его в тот момент, когда Шуберт умолк, — продавщица сменила пластинку на проигрывателе, и заиграла музыка в стиле «ретро» — очень приятная, легко запоминающаяся мелодия

Толпа покупателей притихла и сомкнулась.

— Не наваливайтесь! Не наваливайтесь! — властно требовала продавщица, молодая красивая женщина в шелковом черном халате, с невероятно пышной прической.

Девушка рядом с Кимом держала в руках красочный конверт от пластинки на сорок пять оборотов и читала сопроводительный текст. Ким сразу узнал этот конверт.

Ким посмотрел на девушку. Это была Саша.

— Это вы?! — неожиданно для самого себя сказал вслух Ким.

Она взглянула на него и тут же отвернулась, наверное, решила, что обращаются не к ней.

— Заверните, пожалуйста, вместе с Шубертом, — попросила она продавщицу и отдала ей конверт.

— И мне заверните такую же, — попросил чей-то голос. — Только без Шуберта...

— «Такую же!» — заворачивая пластинки, усмехнулась продавщица. — Такая не продается.

— Всюду блат! — сказал покупатель.

— Ошибаетесь, — вмешался в разговор Ким. — Эта пластинка — собственность девушки, — кивнул он на Сашу.
— А вы-то откуда знаете? — сказал покупатель.
— Видел, как ее подарили, — решительно ответил Ким. Саша удивленно посмотрела на него.
— Простите, — сказал Ким смущенно. — Я был невольным свидетелем, как вам подарили эту пластинку в музее...
Она заплатила и вышла из магазина.
— Между прочим, в музее пластинки не дарят! — сказал кто-то.
— Ты, дорогой, ври — да получше! — заметил второй.
— Не наваливайтесь! — крикнула продавщица.
Ким поспешил к выходу, так ничего и не купив.

Саши на улице не было
«Вот так на, испарилась! — решил Ким. — Носом в землю и собачкой оборотилась, хоть вот этой...».

Ким увидел пушистую юную дворняжку, которая пробежала мимо.

И вдруг он увидел Сашу за рулем «Жигулей». Очевидно, она ждала, пока разогреется мотор.

«На какие шиши, интересно, она купила автомобиль! — удивился Ким. — Откуда у людей столько денег?»

Машина прыгнула козлом и умчалась.

«Ездит паршиво, — отметил про себя Ким. — Ну, все!.. Больше я о ней не думаю...». И он пошел искать свою машину.

Когда Ким подъехал к дому учительницы, стало уже совсем темно.

Из двора выскочила собачка, залаяла на него, потом обнюхала, завильяла хвостом.

«Точно такую я уже видел сегодня у магазина, — подумал Ким, глядя на собачку. — Хвост трубой, уши топориком...».

Собачка внимательно смотрела на него.

«Того и гляди, заговорит, — усмехнулся Ким. — А то и барышней обернется».

— Ну, собачка, давай! — сказал он вслух. — Обернись девицей, чего тебе стоит... Три, четыре...

И тут он услышал музыку. Она доносилась из дома старухи. Это была знакомая мелодия, которую он слышал в магазине

Ким посмотрел — собачка куда-то исчезла.

«Вот тебе раз! А где же собачонка?» — удивился он.

Ким оглянулся — собачонки не было.

«В самом деле, куда ж она подевалась? Мистика какая-то.. Гоголь!.. Убежден, что дверь мне сейчас откроет эта милая особа из музея...».

Он тронул калитку, прошел вдоль веранды, взошел на крыльцо.

Дверь в сени была распахнута. Ким нащупал звонок. Нажал на кнопку.

Внутренняя дверь тотчас открылась, и в освещенном проеме появился знакомый силуэт.

«Она! — мелькнуло у Кима. — Так и есть — она!.. Ну, Пашин, Пашин, и завез ты меня!..»

Ким стоял перед открытой дверью и не входил, соображая, откуда она тут взялась, эта девушка.

— Ким Алексеевич, — улыбнулась Саша. — Это вы?..

— Я...

— Входите скорей, холодно!

Он вошел.

— Саша, — представилась она и протянула руку. — Николаева.

— Есенин...

«Какая у нее нежная, теплая рука, однако..» — подумал он.

— А мы вас заждались... Снимайте шубу и вешайте сюда..

«И голос у нее приятный...».

— Мария Александровна, ваш гость нашелся!

«Ай-ай-ай, — растерялся Ким. — Она здесь живет!..»

И тут его подхватила волна какого-то молодого и давно забытого чувства.

У ног крутилась знакомая собачонка. Она гавкала от восторга, прыгала и норовила лизнуть гостя и хозяйку прямо в нос.

— Ветер, ветер, на место! — строго говорила Саша. — Ветер!..

Ветер не слушал ее.

— Спасибо вам, — сказала драматургу Саша.

— За что?! — удивился Ким.

— За то, что вы так выручили меня в магазине.

В коридор выглянула Мария Александровна.

— Ким Алексеевич, дорогой, вы так напугали нас! — воскликнула она, устремляясь к драматургу. — Игорек сказал, что вы человек со странностями.. Это так естественно. Но уже вечер на дворе! Мы без вас к столу не садимся... Саша, познакомься, Вот он какой — твой герой!..

— Мы уже знакомы, — улыбнулась Саша.

— Почему я герой? — улыбаясь спросил Ким.

— Вы же ничего не знаете, Ким Алексеевич! — радовалась старушка. — Сашенька же в вас была влюблена школьницей!

— Правда?! — еще шире улыбнулся Ким, охваченный приятным волнением.

— Правда, — сказала Саша и ушла на кухню.

— Мы все о вас знаем, Ким Алексеевич, — хлопотала учительница. — Вы родились в тот день, когда умер Маяковский. Игорек рассказывал, — продолжала она, — как нашел вас мальчиком в сожженной деревне. Как были расстреляны ваши родители. Как вас избивали на допросах немцы. Как вы стали сыном полка и прошли с Игорем весь путь до Берлина!..

— И это вы знаете?! — Ким сделал удивленное выражение.

— Не только это! — воскликнула старая учительница. — Мы следим за каждым вашим успехом! Сашенька в детстве многие ваши пьесы наизусть знала. Правда, Сашенька?..

— Правда, — откликнулась с кухни Саша, размешивая что-то в кастрюльке.

«Удивительно, — подумал Ким. — А я и не знал... Что стоило Игорю рассказать мне о ней?.. Она жила здесь, думала обо мне... Верила в меня. И даже была влюблена...».

— А Сашенька что, ваша родственница? — спросил Ким, кладя на вешалку шапку.

— Нет, — доверчиво зашептала старушка. — Но она мне как родная. Сашенька долго жила у меня после смерти матери.

У меня мои девочки часто жили. Теперь она, конечно, не так близка мне, как бывало. Выросла. Своя жизнь... Но раньше, Ким Алексеевич, когда мы репетировали в драмкружке ваши пьесы.. Ах, какое это было время!.. Ваши пьесы — это же целая эпоха! Удивительно зовущие пьесы!.. Саша играла главную роль в «Сладкой ягоде». Помнишь, Сашенька?..

— Помню.

— Баба Маня, заткни фонтан, — сказал, появляясь, Пашин. Соловья баснями не кормят! — Он вяло отмахивался от ласкавшейся к нему собачонки и говорил: — Вермут! Вермут, уйди!.. Вермут!..

— Однако ты уже отпил, и немало, — рассмеялся Ким.

— Но к столу все-таки не присел. Тебя ждал, — ответил Пашин, заорал: — Светка, подъем! Коминтерн молодежи вернулся. Тащи его к столу!

«А здесь неплохо! Тепло, уютно, — думал Ким, сидя за обильным, празднично накрытым столом, и, взглянув на Сашу, с удовольствием отметил: — Была влюблена.. Это, конечно, детская любовь, но такое чувство у девочек бывает довольно сильным и оставляет глубокий след в душе». Им овладела легкость и некоторая даже развязность. Улыбаясь и азартно потирая руки, он сказал:

— Ну, что ж, друзья, по маленькой?

— Какой же он все-таки милый, интеллигентный! — любуясь

знаменитым драматургом, шепнула Пашину Мария Александровна. — И еще совсем не старый!.. Ему сколько, полвека есть? — спросила она негромко.

Пашин кивнул

— Неправда! Ему сорок девять с половиной, — возразила Светлана, слышавшая их разговор. — А душой он еще моложе. Ему нет и тридцати!

— Тебе виднее! — хихикнул Пашин.

— О чем это вы там? — поинтересовался Ким, подставляя Пашину свою рюмку.

— Баба Маня в тебя влюбилась, — сказал Пашин

— Взаимно! — сказал Ким и посмотрел на Сашу.

— Ким Алексеевич, славный мой, давайте я вас поцелую! — воскликнула старушка, и, не дав драматургу опомниться, она чмокнула его сначала в одну, потом в другую щеку, а потом еще и в лоб

— Баба Маня, не увлекайтесь! — хохотал Пашин. — Он у нас парень огневой! Сын семнадцатого ордена Красного Знамени артиллерийского полка.

— За здоровье Марии Александровны! — сказал Ким и, высоко подняв рюмку, посмотрел на Сашу.

Светлана нахмурилась.

Дружно чокнулись, стали закусывать

Саша посмотрела на часы.

— Спешите куда-то? — спросил Ким.

— Нет.

— Ждете кого-то, Саша?

— Жду.

«Выросла... Своя жизнь, — с удовольствием думал Ким. — И вдруг появился я... Как в романе... В последний момент, может быть, накануне свадьбы... «Бедный гений в мозгах застучался», — вспомнил он и спросил:

— Сашенька, а что значит «бедный гений»?

— Вы знаете о бедном гении? — удивилась она.

— Ничего не знаю. Расскажите...

— Это долгая история. Потом когда-нибудь ..

«Однако она со мной явно сдержанна, — подумал Ким. — Наверное, стесняется».

Саша опять посмотрела на часы.

«Нервничает, своего регулировщика ждет. Оттого и стесняется», — решил Ким и спросил:

— Скажите, Сашенька, а младший лейтенант Синицын стихи пишет?

— К сожалению, — сказала Саша.

«Нет, я еще не совсем разучился мышей ловить», — подумал Ким.

— А вы разве с ним знакомы? — спросила Саша.

— К сожалению... Он мне сегодня дырку на талоне сделал. Саша улыбнулась.

— Почему вы улыбаетесь? — спросил Ким.

— Вы знаете, я с ним познакомилась при таких же обстоятельствах. Год назад, когда я выиграла машину и только начинала ездить.

— Выиграли в карты? — пошутил Ким.

— Разумеется, нет. В лотерею... За тридцать копеек.

— Неужели такое бывает?

— Представьте себе.

— Такая вы счастливая!

— Очень!..

Ким пристально посмотрел на нее и подумал: «Интересно все-таки, что случилось у нее сегодня?.. Что у нее стряслось? Вот задачка! Интересно решить... Еще бы лучше узнать.. Но как?..»

— Я хочу предложить тост за нашего гостя! — произнесла торжественно старая учительница. — За вас, дорогой Ким Алексеевич! За ваш талант! Чтоб вам легко писалось. А уж мы с нетерпением будем ждать ваших новых талантливых произведений!..

— Спасибо, — кивнул отогретый драматург. — Спасибо.

— Ведь ваши пьесы помогают нам жить, трудиться. Саша, ты помнишь «Рожь», монолог из второго акта?

— Помню, — сказала Саша.

— Какая страсть в этом монологе! Как нам сегодня нужно это!.. И вообще, если бы вы только знали, как нам сейчас нужны очень острые, проблемные пьесы о том, как прекрасна наша советская действительность!..

«Очень живая, неувядающая старушка, — подумал Ким. — Отзывчивая, добрая душа. Идеалистка!.. Надо же — ее еще что-то волнует! А меня уже — ничего».

— Сцена с хлебом, пожалуй, удалась, — сказал он вслух. — Это была искренняя пьеса. — И посмотрел на Сашу.

Саша как-то рассеянно кивнула и ничего не сказала.

Драматург тотчас отметил это, и настроение его стало понижаться.

— Хвалите его, хвалите, — сказал уже клевавший носом, засыпавший за столом Пащин. — Он любит, когда его хвалят

— А кто ж этого не любит?! — заступилась за драматурга Света.

Саша улыбнулась.

— Это не пустые комплименты, Игорь. Я говорю от чистого сердца, — сказала пенсионерка. — Мы, учителя, знаем, как нужны пьесы с такой проблематикой

— Проблема ответственности, — вставила Света.

— И увлеченного отношения к жизни! — подхватила Мария Александровна.

— Это главная тема Кима Алексеевича! — опять вставила Света.

— Замечательная тема!

— Честная!

— И нужная! — сказала учительница.

Видно было, что она получает громадное наслаждение от беседы с писателем.

«А «француженка» молчит, — печально отметил про себя Ким. — Регулировщика ждет».

— Вы с Игорем у меня поживете? — спросила Мария Александровна, обращаясь к Киму.

— Если не стесним...

— Я буду счастлива! Комнат на всех хватит.

— Меня положишь здесь, на диване, — велел Пашин, не отрывая глаз. — А классика со Светкой — в маленькую.

— Я думала... — удивилась Мария Александровна.

— В маленькую, — повторил Пашин.

«Зря он сейчас об этом», — подумал Ким.

— Да, безусловно, в маленькую, — смутилась старая учительница. — Там вам будет спокойно. Вы ведь работать у нас собираетесь?

— Попытаюсь, — сказал Ким. — Буду диктовать. Привык работать вслух. — И про себя подумал: «Как бы не так! Не то что работать — думать про работу противно...»

— А что вы пишете, если не секрет? — спросила учительница.

— Нечто из русской истории, — сказал Ким.

— Из истории? — переспросила Саша.

— Собственно, поэтому я и приехал, — сказал Ким, обрадованный тем, что она заговорила.

— Надышаться атмосферой, — сказала Светлана.

— Период? — спросила пенсионерка.

— Киевская Русь, — сказала Светлана.

— Смело! — сказала пенсионерка. — А что в основе?

— «Слово о полку Игореве», — сказала Светлана.

— Даже так?.. Трудная задача.

— Как трактовать, — сказала Светлана.

— А битвы? Как это будет на сцене?

— Битв не будет. Главное — герой. Его мысли...

— Это очень современно, — сказала учительница. — Саша, ты слышишь? — спросила она.

— Слышу.

— Что ж ты молчишь? Ким Алексеевич рассказывает удивительные вещи!

— Я плохо знаю Киевскую Русь, — сказала Саша.

— А я совсем не знаю, — сказал Ким. — В драматургии точное знание не имеет решающего значения.

— А по-моему, имеет, — сказала Саша.

— Шекспир все выдумывал, — сказала Светлана.

— Не все, — сказала Саша.

— Главное — образ героя, — сказала Светлана. — Князь Игорь был герой, несмотря на поражение.

— Игорь был совсем не герой, — возразила Саша. — Он был, скорее, авантюрист и зря погубил свою дружину.

Светлана посмотрела растерянно на Кима. Ким посмотрел на Сашу.

— Вы так думаете? — спросил он ее.

— Его поход не имел никакого смысла, — сказала Саша.

— Саша, так нельзя! — строго сказала Мария Александровна. — Ты меня огорчаешь... Академик Лихачев считает, что Игорь — герой.

Саша промолчала.

— Саша, почему у вас другое мнение? — поинтересовался Ким.

— Читала.

— Что, интересно?

— Русские летописи.

— А вы знаете старославянский? — спросила Светлана.

Саша кивнула и сказала Киму:

— Но вы, конечно, читали об Игоре больше, чем я.

— Безусловно! — строго сказала Мария Александровна. —

И ты все-таки не права, Саша...

«Права, — уныло думал Ким. — Ничего я не понял, не успел... Тут просто совпало — аванс и ремонт дачи, но я буду читать. Вникну, черт возьми! Я ж не халтурщик, в конце-то концов!..»

— И вообще, Сашенька, — сказал он, — Шекспиру было легче.

— Почему?

— Потому что он был гений, — усмехнулся Ким.

— Гению всегда трудней, — сказала Саша.

— Нет, — возразил Ким. — Гений что захотел, то и написал.

— А вы разве не так пишете? — спросила Саша.

«Не уважает», — понял Ким.

— Ким Алексеевич, голубчик, не слушайте ее, пожалуйста! — воскликнула старая учительница, — Саша, я тебя не узнаю сегодня!.. Вы, Ким Алексеевич, человек огромного таланта! Смелый, честный, бескомпромиссный!

«А эта — уважает», — с грустью подумал он.

— Помните, у Маяковского... «Светить всегда, светить везде!..» Это сказано и о вас. Вы столько сделали!..

«Ну, это уж слишком! — подумал Ким. — Это ты, бабуля, загнула».

Настроение у драматурга резко понизилось. Он посмотрел на Сашу.

Она была непроницаема.

Настроение понизилось еще больше. Он сказал:

— К сожалению, Мария Александровна, все, что вы только что сказали, относится не ко мне.

— Да что вы, Ким Алексеевич, голубчик! К вам, и только к вам!..

— Нет, — сказал Ким. — Не ко мне.

— Неужели вы серьезно, Ким Алексеевич? — всплеснула руками старая учительница.

— Серьезней некуда, — ответил Ким и снова посмотрел на Сашу. — Я давно уже никому не свечу, к сожалению, и вряд ли это уже смогу. Особенно теперь.

— Не верю!.. В ваших руках факел. Он освещает людям жизнь!

Саша улыбнулась.

— Милая Мария Александровна, прекратите наконец! — не выдержав, оборвал старушку Ким. — Какой факел?.. В моих руках нет даже карманного фонарика!.. Вы мучаете меня! Неужели не понимаете?..

— Чем же я вас мучаю, Ким Алексеевич, голубчик?! — опешила старушка.

— Вашей болтовней!.. Вы рассмешили даже собственную ученицу.

Ким показал на Сашу.

Улыбка на Шашином лице тотчас исчезла, она с тревогой посмотрела на свою учительницу.

— Я понимаю вашу улыбку, — сказал он Саше. — Я никудышный драматург и ничего серьезного в жизни не написал и уже, наверное, не напишу. Я выдохся и стар...

— Ким Алексеевич, родной! Все это вздор! Вы клеветеете на себя! — вскопчила пенсионерка. — Вам надо отдохнуть. Вы переутомились!.. Саша, ну что ты молчишь?! Скажи что-нибудь!

— По-моему, Ким Алексеевич прав, и мне добавить нечего, — сказала Саша.

— Саша, ты ли это?! — поразились старая учительница. — Откуда у тебя такая черствость и непонимание?! Поражаюсь! Ведь ты моя ученица. Я учила тебя справедливости!..

— Она и справедлива,— сказал Ким.— Вы хорошо ее учили и можете гордиться ею.— Он поцеловал Саше руку.— Вы первая, кто сказал мне правду в глаза. Одно дело, когда знаешь и говоришь про это себе сам, и совсем другое, когда это говорят тебе другие. Спасибо... Не скрою от вас, слышать это очень и очень горько... Но полезно, черт возьми! — Ким заставил себя улыбнуться, поцеловал руку старой учительнице, взял со стола непочатую бутылку водки и, слегка качнувшись, направился в предназначенную для него комнату.

В дверях он обернулся и произнес:

— Я не стану, Саша, уверять вас, что брошу писать. Хотя сегодня днем я поклялся себе именно в этом. Я не стану уверять вас в том, что отныне буду писать нечто великое. Но я твердо обещаю вам писать меньше, лишь в крайнем случае, на хлеб свой насущный. И прошу вас поверить, что и эта малость, сей скромный шаг, потребует от меня и воли и мужества.

— Зрители вам этого не простят! — воскликнула Мария Александровна.

— Они даже не вспомнят обо мне! — ответил драматург.

— И наши критики тоже!

— А на критиков мне наплевать! С высокой колокольни!..

И, послав всем дамам воздушный поцелуй, Ким скрылся за дверью.

Светлана последовала за ним. Вскоре она появилась вновь, схватила со стола два стакана и снова исчезла.

Старая учительница, глотая ртом воздух, опустилась на стул.

— Капли! — прошептала она.

Саша кинулась к шкафчику, схватила пузырек с лекарством, отсчитала в стакан капли, дала выпить учительнице.

— Как страдает художник! — произнесла та, едва приступ отпустил ее. — Какая требовательность к себе! Какая взыскательность!.. Я бы даже сказала — жестокость...

— Может быть, «скорую» вызвать, Мария Александровна? — спросила встревоженно Саша.

— Как мальчик, обидчив! — продолжала учительница, умильно глядя на дверь, за которой скрылся драматург. — Раскраснелся весь, дрожит...

— Мария Александровна, прилягте. Вам надо отдохнуть, — мягко предложила Саша.

— Мне кажется, он похож на молодого Чехова, — улыбнулась учительница. — В него нельзя не влюбиться...

— В его возрасте, Мария Александровна, Чехов уже пять лет лежал в земле.

— Ну и что? Возраст разный. А сущность схожая.

— Это в каком смысле? В том, что оба мертвы? Один — физически, другой — творчески

— Сашенька, как можно?! Что за бес в тебя вселился сегодня? Я хотела только сказать, что Ким Алексеевич раним и незащищен, как Чехов. И так же одинок...

Дверь распахнулась — на пороге возник драматург со стаканом водки.

— Саша, вы снова правы! — сказал он громко. — И я пью теперь этот бокал за мой физический переход в то качество, которое соответствовало моему творчеству!

Он осушил до дна свой стакан и исчез так же быстро, как и возник.

— Боже мой, он еще и подслушивал! — сказала Саша.

— Как страдает художник! — воскликнула старая учительница.

За дверью что-то грохнуло тяжело и посыпалось.

— Да иди же к нему! — крикнула Мария Александровна. — Он способен на все! Я это чувствую...

Саша кинулась в комнату.

Проснулся Пашин на стуле. Ничего не понимая, он поводит вокруг мутным взглядом.

Появилась Саша.

— Что с ним?! — испуганно спросила старая учительница.

— Ничего особенного, машинку свою разбил, — спокойно ответила Саша.

— Как разбил?! — подскочил Пашин.

— Очень просто, об пол.

— Но там же моя машинка!

— Не кричи, Игорек, успокойся! — сказала учительница. — Машинка — это пустяк, когда ты видишь, как человек страдает!

— Для тебя — пустяк, а для меня — средство производства! — проворчал Пашин. — Где ее купишь? Я без нее как без рук!..

За дверью грянула знакомая музыка в стиле «ретро».

— Скотина, он еще и веселится! — негодовал Пашин, вставая. — Небось и водку всю выжрал, мерзавец!

Дверные створки распахнулись с треском, ударились о косяк и мелко задрожали — в комнату двигалась танцующая пара. Ким вел Светлану. Он делал это уверенно и легко, в лучшей манере времен своей юности. Выражение лица у драматурга было очень серьезным и даже мрачным. Он неотрывно смотрел на Сашу и двигался прямо к ней. На расстоянии одного шага он круто взял в сторону, потом — в другую и быстро завертел партнершу, а затем снова двинулся к Саше, по-прежнему не спуская с нее глаз, которые как бы говорили ей: это ты, ты одна виновата во всем!..

Саша рассмеялась.

Из прихожей выглянул младший лейтенант Синицын в штатском и с букетом роз.

— Мир полон звуков! — произнес он, глядя на танцующих.— Вечер добрый!..

Играла музыка.

Ким лежал с Пашиным «валетом» на широком продавленном диване. Пашин похрапывал во сне. Ким не спал.

Он видел перед собой ногу Пашина в синем шерстяном носке. Другая нога, из кожи и металла, валялась на полу.

Старые часы перестукивали маятником.

«Она права, она права,— повторял про себя Ким в такт часам и ворочался, отодвигаясь от горячего Пашина.— Она наша, не французенка. Французенка бы так грубо правду не врехала...». И вдруг увидел на стуле прямо перед носом конверт, аккуратно прислоненный к спинке. «Есенину»,— прочел он на конверте.

Тело охватила приятная слабость, в висках застучало. Ким разорвал конверт и прочел: «Если вы хотите узнать о «бедном гении», приходите в десять утра сегодня на местное кладбище. Встретимся у церкви. Одевайтесь теплее, в прихожей есть тулуп и валенки Пашина».

— Она меня спасет,— сказал вслух он.

— А?! Что?! — вздрогнул Пашин.

— Спи, — шепнул Ким.

Нетерпение овладело им. Он встал. Не одеваясь (Ким спал одетым), подошел к окну, посмотрел в темную синеву рассвета — там сыпал снег. Потеплело.

— Ким Алексеевич! — услышал он шепот Светланы.

Она стояла на пороге маленькой комнаты уже свежая, причёсанная и пальцем манила его, приглашая его войти...

— На улице минус пять,— сообщила она, приоткрывая дверь и увлекая его в глубь комнаты.— Ветер юго-восточный. Порывистый... Я вам воды согрела побриться

Он посмотрел в ее преданные грустные глаза и сказал:

— Спасибо, милая.

И, поняв вдруг, что он кругом перед ней виноват, поцеловал ей руку. Она обрадовалась. В углу Ким увидел разбитую пишущую машинку.

Кивнул на дверь, за которой похрапывал Пашин, и сказал:

— Что это он вчера так «отпил», что разбил машинку?

— Это не он, — улыбнулась Света.

— А кто же?

— Вы, Ким Алексеевич.

— Не может быть! — поразился Ким.

— Вы..

— А зачем я это сделал?

— Решили больше никогда не писать.

— Но это же не моя машинка!

— В том-то и дело! — улыбнулась Светлана.

— А что я еще сделал?

— Вы танцевали. — Светлана взяла Кима за руку, глаза ее увлажнились. — Вы так пластичны, Ким Алексеевич! — Она прижалась щекой к его ладони.

— А что потом?

— Потом пришел Юра Синицын.

— Кто это еще?

— Это младший лейтенант ГАИ, который вас оштрафовал.

— А, тот... регулировщик.

— Он оказался такой милый, симпатичный! В штатском я его сначала не узнала. Надо же... совпадение какое! Бывает же. Утром встретились на дороге, а вечером — в гостях.

— А что потом?

— Потом вы вместе с ним пели и плясали всю ночь, под гитару. Какой у вас тенор, Ким Алексеевич! Как вы музыкальны!..

— А как я оказался там, на диване?

- Когда вы упали, мы вас перенесли!
- Как, разве я упал?!
- Да. И уснули.
- Не помню. Вот ужас-то! Ничего не помню
- Голова болит?
- Страшно! Водка есть?
- Нет.

Ким тяжело вздохнул

— А как по-твоему, зачем приходил сюда Синицын? — спросил он.

- Как — зачем? Потому что влюблен
- В Сашу?
- Разумеется... Не в учительницу же!
- Ну а она?
- Кто, учительница?
- Да нет же, Саша! Она в него влюблена как по-твоему?
- Конечно, нет.
- Почему ты так уверена?
- Потому что она влюблена в вас.
- Ты с ума сошла!
- Да, влюблена, — тихо повторила Света и прижалась щекой к его плечу.

Он мягко отстранил ее и в волнении вышел из комнаты Светлана — за ним.

В прихожей Ким надел на себя валенки и тулуп Пащина, припасенный в доме учительницы на случай рыбалки.

На кухне он взял со стола ломоть черного хлеба, с удовольствием обернул его куском вчерашней газеты, сунул в карман, достал из портфеля кассетный магнитофон и спрятал его под тулуп.

— Мне с вами идти? — спросила Светлана.

Он покачал головой.

— Тогда, может быть мне лучше в Москву уехать Ким Алексеевич?

Он кивнул.

Падал снег

Саша еще не пришла.

Ким ждал ее у ворот кладбища. Справа от них была сторожка, слева — небольшая церковь. У ворот стояла древняя старушка с ветхой хозяйственной сумкой у ног. Толстая женщина в черном халате поверх пальто разгребала фанерной лопатой снег у дверей церкви.

«Вот старик шарманщик у ворот стоит. Знай себе играет, весь озяб, дрожит.. Босый на морозе, смотрит он в суму, но никто ни гроша не подаст ему», — налевал себе под нос Ким. — Сашенька, Сашенька, она спасет меня, — думал он. — Обязательно спасет! Как нужна она мне сейчас... Как хорошо, что я приехал в этот город!.. Она умная, тонкая, требовательная, все понимает. Какие у нее теплые, нежные руки. Только вот голова трещит. Сейчас бы сто грамм!»

Женщина воткнула лопату в снег, открыла церковь и вошла. Старушка у ворот перекрестилась.

«Кладбища полны людей, без которых мир не мог обойтись», — вспомнил чьи-то слова Ким. — Кажется, я никогда не был на русском кладбище, — подумал он. — В крематориях был — хоронил друзей. В Англии на могиле Карла Маркса был. В Ницце на могиле Герцена. И милостыню, кажется, я никогда не подавал. Очерк про жулика нищего писал. У него была «Волга» и дача на Волге. А милостыню не подавал, с детства знал — в стране у нас нищих нет».

Ким подошел к старухе, роясь в карманах.

Старушка не просила. Она продавала самодельные цветы — пролоновые астры на стеблях из проволоки.

Ким взял одну ярко-фиолетовую астру, дал старушке три рубля. И от этого бессмысленного поступка чувство умиления и раскаяния овладело им в полной мере

«Правильно Светка сказала — здесь наши корни, — подумал он. — Здесь надо жить и работать! Неспроста этот хитрый казак Шолохов у себя в станице кропает. И эти молодые — Белов, Распутин, Вампилов, царство ему небесное!.. Тоже не в Москве. Молодцы!..»

Купол церкви был синий с золотыми звездами. Женщина в церкви зажигала свечи.

«Какая красота! — думал Ким. — Ею насыщаешься, как пищей — тебе дано столько-то вместить, и больше не можешь. Но если ты сумеешь это выразить, то рано или поздно придет другой человек и на твое прибавит свое. А после другого — третий, дальше, дальше... Человек в красоте ненасытим... Вот возьму и женюсь, — подумал он вдруг. — Осяду здесь, пушу корни. Начну все сначала. Честно, без компромиссов... Какой-то сегодня особенный будет день?! Что-то, быть может, откроется мне?..»

На плечо драматурга легла чья-то огромная обветренная рука, и он услышал:

— Эй, друг, помоги!..

Ким с готовностью обернулся.

Трое несли гроб.

Ким немедленно подставил плечо и улыбнулся своей особенной, сегодняшней улыбкой.

Снег был глубоким. Нести было трудно. У провожающих были

озабоченные, торопливые лица. Кто-то пронзительно кашлял. Гроб опустили у готовой могилы.

Женщина из числа провожающих плакала.

Пока прощались, кладбищенские работяги и Ким деликатно отошли в сторону.

— Земля как железная, — сказал Киму тот, что попросил помочь.

— Чугун, — сказал другой, добывая негнушимися пальцами из-за пазухи бутылку. — Из горла будешь? — спросил он Кима.

— Буду, — согласился Ким, движимый новым чувством, и с удовольствием отпил, отметив свою долю ногтем

Ким шел к выходу с кладбища молодой, упругой походкой. Глоток портвейна согрел его. Но и без того уже какое-то особенное тепло он ощущал теперь во всем своем теле. И тут он увидел ее в арке ворот

Она бежала к нему в распахнутой шубке, с красным от ветра лицом.

— Простите меня, ради бога! Машину снегом занесло, — объяснила она и пошла вперед в глубь кладбища.

— У меня тоже занесло, — сказал Ким и добавил: — Застегнитесь, Саша. Простудитесь.

Она не слушала.

— «Бедный гений», о котором вы спрашивали, — это всеми забытый крестьянский поэт Александр Егорович Чижиков, умерший в 1934 году, — заговорила Саша, пробираясь по узкой тропке между могилами. — Жители нашего заштатного тогда городка чаще звали его Сашка Чижик, смеясь над его чудачеством, а чудачество это выражалось в том, что он писал стихи и понимал себя великим человеком, обреченным на маленькую судьбу. Он верил, что земляки в один прекрасный день угадают в нем своего Гомера. Он ждал признания и работал. Но умер, не дождавись. Я собираю его стихи и пишу о нем книжку...

Она ловко пробиралась в лабиринте могильных решеток. Ким, сразу набравший снегу в валенки, плохо слушая ее рассказ, думал с нежностью:

«Следопыт... Какая у нее особенная, уверенная походка...»

— Стихи его часто нелепы, но в них всегда искра истинного таланта, — сказала она и, вдруг присев, стала быстро разрывать руками в варежках снег на могильной плите. Полы ее вышитой дубленки тонули в снегу, нос был мокрый, лисья шапка сбилась.

«Бедная моя, тоже одинокая!.. Как собачка роет, — думал Ким. — Но отроет, обязательно отроет. Найдет!.. А кто поймет, кто оценит? Младший лейтенант Синицын?..».

— Вот, — она разгробла снег, сковавший полустертые буквы надписи. — Это его эпитафия на смерть простой школьной

учительницы... Вы можете прочесть? — Ким склонился рядом с ней, но, любуясь Сашей, глядел на стихи рассеянно. Впрочем, Саша сама прочитала вслух: — «Она детей крестьян учила, тянула к свету их из тьмы, за все ж в награду получила удел подземной глубины. Так спи же, труженица, с миром ты здесь в подземной тишине. Здесь шум берез, подобно лирам, петь будет гимн о вечном сне».

Ким понял только, что стихи плохие. Но он чувствовал Сашино скрытое желание поддержки. Ему самому нужна была ее поддержка, хорошие, честные отношения с ней. Он сказал мягко:

— «Шум берез» — хорошо. Ему легко писалось.

— Нет, — сразу возразила Саша. — Он мучился косноязычием.

— «Бедный гений», — улыбнулся Ким. — Вы очень точно окрестили его...

— Это не я, — опять возразила Саша. — Он сам себя так называл. «...Лай собаки, вдруг слышу, раздался, и бессонный петух прокричал. Бедный гений в мозгах застучался. Сочинять я куплеты начал...». Это он написал ночью на пожарной вышке, где служил в старости и нищете пожарным наблюдателем. Кстати, вышка эта сохранилась и по сей день. Она стоит недалеко от дома Марии Александровны.

— Да, да. Я видел ее! — поспешил сказать Ким, страстно же-

лая найти с Сашей общий язык. — Как хорошо, Сашенька, что вы пишете о нем книжку, — добавил он. — Стихи его станут известны. Он будет нужен людям. Я в этом не сомневаюсь.

— А я сомневаюсь, — опять возразила Саша, направляясь к очередному холмику.

— Смотрите, — сказала она, разрывая снег. — «Смерть подкатила к нему горошинкой...». Это о мальчишке-пионере, который стрелял горохом из бузиновой трубочки, вдохнул горошинку не в то горло и умер.

— «Смерть — горошинкой», — повторил Ким, подходя к холмику пионера. — Это прелестно!..

— Ужасно! — сказала Саша.

— Сашенька, застегнитесь, — попросил Ким. — Вы простудитесь...

— К сожалению, Александр Егорович имел слабость к водке, — продолжала она. — Алкоголь и поэзию он ощущал как две болезни. «Перо с чернилами и ручка, пиши красе ты дифирамб! Поэт-художник, самоучка, всего ты ложного не раб...».

Ким молча нагнулся к ней и застегнул ее пальто на все пуговицы.

— Новая культура утверждалась у нас трудно, — говорила Саша, поднимаясь. — И он торопился. «Я, как артист, стою на сцене в родной деревне, где рожден. Как гладиатор на арене,

печальной думой возбужден. Сын девятнадцатого века, изжил уже я трех царей, три революции в полвека, но в вас я вижу дикарей...». Его не любили. «Раз стишки писать умею, и себя не пощажу...».

«Это не про меня, — с грустью подумал Ким. — Я-то себя пощажу! Этому я давно научился...».

— «Однажды я сидел на колокольне, — пишет он, — и вдруг мне показалось смешным положение мое, — продолжала Саша. — Я подумал, что вот я нахожусь выше всех и не сплю, а они все спокойно спят в своих низеньких домиках. И мне пришла в голову шальная мысль — разбудить весь городишко, встревожить сон людской, хоть и нет никакого пожара. Что, если я ударю в набат? Граждане, скажу я людям, посмотрите на вашего певца. Он один на колокольне, и ни одного близкого человека нет у него на земле...».

— Это обо мне, — сказал Ким вслух.

— Нет, не о вас, — сказала она, взглянув на него своими огромными возбужденными глазами, и пошла дальше по узкой тропке между сугробами.

«Ведьма! — подумал он. — Ох и злющая!..» — И спросил, направляясь следом:

— Сашенька, скажите, в чем суть вашего исследования? В чем его главная мысль?

— Приговор вы уж сами составьте, — ответила она, не оглядываясь, — Я просто рассказываю... И вообще я не люблю готовых решений. В отличие от многих ваших коллег

— Вы хотели сказать — и в отличие от меня?

— Если хотите...

— Но зритель требует ясности, Саша, — возразил Ким.

— Наш зритель просто отвык самостоятельно думать. Ваши пьесы и такие, как ваши, не научили его этому.

— Не в этом дело, — сказал Ким. — Я давно заметил: чем грубее выражена мысль автора, тем больше нравится зрителю. Даже если это в ущерб художественности.

— Печальный факт! — остановилась Саша.

— Жизнь! — улыбнулся Ким. — Зритель устает после работы и приходит в театр, чтобы отдохнуть, а не думать.

— Естественно, — сказала Саша.

— Естественно, что не хочет думать? — спросил Ким

— Естественно, что устает, — ответила она и вдруг стала звать: — Машка, Машка, Машка!..

По дубовому стволу спустилась белка.

— Борька, Борька, Борька!..

Из-за деревьев появилась еще одна, — по-видимому Борька.

Саша протянула ладонь, и белки по очереди стали есть с нее семечки.

«Она — ангел, — подумал Ким. — Она прячет от меня все. И свои мысли и своего Чижика. Я никогда ее не пойму».

И он сказал вдруг:

— Если бы вы только знали, Сашенька, как вы нужны мне!

Она пристально посмотрела ему в глаза.

Подчиняясь какому-то внутреннему неодолимому желанию, Ким протянул руку и взял ее красную обветренную ладонь.

— Да вы окоченели, Сашенька! — сказал он, пытаясь отогреть ее руку в своей. — Вы вся дрожите!..

Она молча высвободила свою руку, сунула ее в карман и двинулась дальше.

«Она — ангел!» — подумал Ким, и вдруг ему стало легко и весело — он понял смысл сегодняшнего дня.

— Сашенька, вы подарили мне тему... Вы даже представить себе не можете, что это значит для меня теперь!..

Она молча шла дальше.

— Я князя Игоря брошу, честное слово! — пошел за Сашей Ким. — Я буду писать про Чижика и про вас... Вы мне не верите?.. Верьте! Вы меня от гибели спасли. Мне вдруг открылось... Это будет книга о красоте человека. О величии духа! О могуществе таланта! О тех, кто там, на колокольне, когда все спят в своих

низеньких домиках!.. И пусть нас будет трое теперь... Я тоже хочу ударить в набат. Встревожить сон людской, хотя и нет никакого пожара... Как это здорово сказано! «Хотя и нет никакого пожара...!»! Ваш Чижик погиб, не совладав со своим талантом, — говорил Ким, утопая в снегу. — Но то, что было в нем, перейдет к нам. И не прервется нить. Я напишу, как вы ищете связь погибших с живыми. И не прервется нить, — повторил он.

Она свернула за угол часовни. Это был громадный ветхий склеп с темными бескрылыми ангелами по углам.

Ким ускорил шаги.

— Сашенька, вы моя муза! — произнес он и тут же споткнулся о плиту, обросшую льдом, и упал на четвереньки.

И сразу нос к носу встретился с рыжей пушистой дворняжкой, которая уставилась на него, помахивая бубликом еще более рыжего хвоста.

«Превратилась, — подумал Ким. — Ведьма!..».

Он вспомнил про хлеб, достал и протянул собаке. Та понюхала и убежала.

— Саша, где вы? — позвал Ким. — Саша!..

Она не ответила.

— Саша!..

На церковной колокольне ударили в колокол. И вдруг Киму показалось, что он увидел ее.

Она стояла вдали за деревьями возле автобуса, в который сидели какие-то люди, по-видимому, возвращавшиеся с похорон.

— Саша! — снова позвал он.

Она не оглядываясь торопливо шагнула к двери, и какой-то парень (Ким узнал его — он пил с ним портвейн) помог ей подняться в автобус.

— Однако! — сказал Ким и ускорил шаг, но не успел.

Автобус уехал.

«Странно, — думал Ким, идя к выходу. — Она от меня явно смылась... Отчего бы это?.. И не одна, с целой компанией... И этот могильщик руку ей подал, как полагается. И у окошка с ней сел... Конечно, ей с ним интересней. Он тут небось каждую могилку знает! Есть о чем поговорить. Интеллектуалка!.. Пьесы ей мои не нравятся... Ни здравствуйте, ни до свидания... Эмансипе! Поддакивал ей, как школьник!.. Так мне и надо, дураку! Слюни распустил... Ну все, хватит! Теперь к старухе. Машину откопаю — и в Москву... Жаль, утром Светку обидел!..».

У ворот кладбища Ким увидел младшего лейтенанта Сеницына.

Тот стоял в шлеме у желтого с синим служебного мотоцикла, явно кого-то высматривая. Из его кожаной сумки через плечо звучал по-английски голос мистера Диксона. Младший лейтенант Сеницын постоянно учился.

Ким поднял повыше лохматый воротник и прошел мимо неузнанный.

Ночью в городе светились два окна в доме старой учительницы и слышался непрерывный стрекот пишущей машинки.

Ким сидел за столом. Лист бумаги перед ним был чист. Машинка звучала за дверью — там, в большой комнате, сочинял Пачин. Ким придвинул к себе кассетный магнитофон, нажал на кнопку. Послышался голос Саши:

— «Граждане, скажу я людям, посмотрите на вашего певца. Он один на колокольне, и ни одного близкого человека нет у него на земле...».

— «Это обо мне», — отвечал записанный на пленку голос Кима.

— «Нет, не о вас».

Ким покрутил пленку и опять пустил магнитофон.

— «...Машка, Машка, Машка!.. — звала белку Саша. — Борька, Борька, Борька!..»

На пленке был записан весь разговор его с Сашей на кладбище.

«Тут я подумал, что она ведьма», — вспомнил Ким.

— «.. вы подарили мне тему... Я князя Игоря брошу, честное слово! — взволнованно говорил голос из магнитофона. — Я буду писать про Чижика и про вас...».

«Какое у нас сегодня число? — подумал Ким. — Седьмое...».

Он вынул кассету из магнитофона, положил ее в футляр и надписал: «Седьмое января... Кладбище».

Спрятал кассету в сумку и зарядил новую.

Пацин не переставая трещал за стеной.

Ким посмотрел на чистый лист и, сделав над собой усилие, снял колпачок с авторучки. Потом проверил, чисто ли перо, и вывел заглавие — «Тема», а под ним помельче: «Драма в двух частях».

«И все-таки почему она сегодня сбежала от меня на кладбище? — подумал он. — Сама меня пригласила и сама же сбежала! Как же это произошло? Надо все вспомнить по порядку.. Значит, так... Я взял ее за руку... Нет, сначала я сказал: «Если бы вы только знали, Сашенька, как вы нужны мне...» Она внимательно посмотрела на меня, явно сомневаясь в моей искренности. Но я был искренен. Она это поняла. И тогда я взял ее руку в

свою. Она дрожала... И, как мне показалось, в лице у нее появился испуг... Она высвободила свою руку и пошла... Ну конечно, я взволновал ее! Она испугалась себя... Потом я споткнулся. А когда поднялся, ее уже не было... Однако почему она села в автобус с этим бородачом похоронщиком?... Куда уехала? Почему ее не было на работе? Почему она не приехала к учительнице? Старуха весь вечер ждала ее... и почему у нее все время не отвечает дома телефон?..».

Ким посмотрел на лист, лежавший перед ним, почесал затылок. Зачеркнул подзаголовок «Драма в двух частях» и написал под ним: «Повесть».

«Она любит меня, — решил Ким. — Я разбудил в ней прежнее чувство, и это поразило ее...».

Он зачеркнул слово «Повесть» и написал: «Роман».

«Она теперь спасается бегством, — продолжал думать Ким — Спасается не столько от меня, сколько от себя... Но разве от себя убежишь?... Милая, — с нежностью подумал он. — Мучается теперь, страдает... Наверное, плачет, бедняжка! А я здесь сижу и делаю вид, что работаю!.. Надо идти... прямо к ней.»

Ким встал и пошел в комнату Пашина.

«Я должен видеть ее. Видеть и успокоить...».

Пашин в экстазе творчества не замечал его. По левую руку от Пашина была стопка чистой бумаги, по правую — гора испитой.

«Без черновиков шпарит!» — с завистью подумал Ким.

Лицо Пашина, погруженного в работу, было выразительно, как лицо пианиста-виртуоза.

Пашин отстукивал диалог, и по лицу его было видно, что говорят двое: прямой и хороший человек — с плохим и хитрым.

— Игорь, где живет Саша? — спросил Ким.

— Уйди, не дам! — дернулся Пашин, как от удара электрическим током. — Вон твоя машинка валяется, — кивнул он на груды обломков в углу. — А это теперь моя!

— Ну и пусть — твоя. Чего ты орешь? — сказал Ким. — Я же спрашиваю, где живет Саша?..

— Зачем тебе? — Голос Пашина был до неузнаваемости злым и отрывистым.

— Я хочу ее видеть.

— Не знаю! Спроси у старухи...

— Но она спит...

— Нет, нет, я не сплю, Ким Алексеевич! — послышался из соседней комнаты голос Марии Александровны. — Сашенька живет на улице Серафимовича, дом девять, квартира семнадцать...

Ким вел машину по ночному городу и думал:

«Зачем я еду? Что за леший несет меня к ней ночью?.. Она спит давно... Что я ей скажу?.. Здравсьте, я разбудил вас, чтобы убедиться, что вы живы-здоровы... Смешно!..»

Он повернул машину назад.

«Старый дурак! Ипохондрик!.. Надо нервы лечить. А вдруг она там с регулировщиком?.. Нет, маловероятно... Впрочем, наплевать! Мне-то какое дело?.. Однако что, что это я дрожу?.. Неужто я вторгнулся в нее? Ха-ха-ха!.. Не может быть! Интересно, а как бы Пушкин поступил на моем месте? Пушкин бы не церемонился! А потом написал: «Я помню чудное мгновенье...»

Ким снова развернул машину и прибавил газ.

Квартира у Саши была в новом доме, на первом этаже.

Ким потоптался у двери, сбивая с обуви снег, потом позвонил. Никто не отзывался.

«Конечно, спит, — решил он. — Надо поворачивать оглобли!»

И, уходя, потянул за ручку. Дверь оказалась незапертой.

— Вот так на! — сказал Ким вслух и подумал: «Тут что-то не то!..»

Он огляделся и осторожно шагнул через порог.

— Саша! — позвал он, оказавшись в темной прихожей. — Вы дома?.. Почему у вас дверь не закрыта?.. Саша!..

Ким нащупал на стене выключатель, включил свет.

Квартира оказалась однокомнатной.

Слева что-то лязгнуло и застучало.

— Кто там?! — вздрогнул Ким.

Он постоял, прислушиваясь, и шагнул в кухню.

В кухне никого не было. У стены белел холодильник. Ким заглянул в него. Там присохло к полке треснувшее яйцо, старый кефир всплыл в бутылке.

«Да, быт у нее не устроен, — подумал Ким. — Вот она, современная интеллигентка, — автомобиль есть, а в холодильнике пусто... И сколько их у нас таких, общественно полезных, неприкаянных, одиноких!.. С ними охотно ходят на концерты, в рестораны, ездят на симпозиумы, а женятся на тех, у кого обед на столе и холодильник полон».

Ким прошел в комнату.

Мебели в комнате было мало — шкаф, кушетка, книжные полки с книгами, письменный стол с рукописями. На стене — фотографический портрет Чижикова, такой же, как в музее.

Поэт-самоучка смотрел на Кима мрачно и иронически.

Ким покосился на него, подошел к столу, взял одну из тетрадей.

«Вот это уж совсем нельзя делать», — подумал он, открыл наугад тетрадь и, отступив к двери, через которую шел свет из прихожей, прочел вслух:

— «...Жизнь каждого человека — неповторимая повесть. Почему не написать хоть раз о самом обыкновенном человеке? Сколько бедных гениев, великих людей, обреченных на маленькую судьбу, встречаем мы в нашей жизни? Сколько Чижиковых сгорает в нашей глуши! Они — пылающие костры, и в свете их загубленной жизни люди научаются честнее и лучше смотреть друг на друга».

«Нет, это не обо мне, — подумал Ким. — Саша права — какой я, к черту, пылающий костер?.. И моя жизнь когда-то началась необыкновенной повестью. А во что я ее превратил?!»

Киму становилось жарко — он расстегнул дубленку, открыл тетрадь в другом месте.

— «...Я всегда давал себе зарок, — читал он, — не сочинять больше как стишки. Грязь пьянства налипала на меня, и темный мой разум не может принадлежать светлой музе. Но — увы!.. Как часто я нарушал свои пьяные зарок и опять начинал пуще прежнего пить, так и в поэзии зарок мой были весьма недолговечны. И вновь я исписывал листы бумаги и опять негодовал на себя. Рвал написанное, и снова начиналось то же. Так будет продолжаться до последнего моего вдоха...».

— А это обо мне, — произнес Ким вслух, поднимая глаза к

портрету Чижикова. — И я умру, пронеся до конца свои мучения. Мне бы только успеть написать задуманное...

Под окном захрустел снег.

Ким прислушался.

Хлопнула дверь в подъезде.

«Вот она и вернулась», — подумал он и быстро положил тетрадь

На лестнице послышались шаги и голоса — женский и мужской.

«Да она не одна, с регулировщиком!» — понял Ким.

Он инстинктивно метнулся в переднюю и оттуда — в темную кухню, за холодильник.

Стоя за холодильником, Ким слышал удары собственного сердца.

Они вошли.

— Опять у тебя дверь не закрыта! — сказал мужской голос. — И свет в прихожей горит!

— Утром к соседке зашла — газету отдать. А у нее Бориска палец порезал, — сказала виновато Саша. — Пока йод и марлю искали, я и забыла...

— Смотри, обчистят тебя, — сказал мужчина.

«Кто это? — остоленел за холодильником Ким. — Голос знакомый...».

Саша вышла на свет — теперь Ким видел ее. Присев на стул, она устало снимала сапоги.

— Давай помогу, — сказал мужчина и тоже вышел на свет.

Ким узнал его — это был бородатый похоронщик, который угощал его портвейном на кладбище.

«Боже мой, что это значит?! — поразился Ким. — Почему он здесь, ночью? Кто он ей?.. Брат?.. Друг?.. Любовник?..»

Бородатый помог Саше снять сапоги.

— Чаю хочешь? — спросила она.

«Сейчас меня найдут!» — обмер Ким.

Но бородатый сказал:

— Не хочу, спасибо.

Снова с грохотом включился холодильник.

«С ума сойти можно! — думал Ким. Зачем я залез сюда, за этот холодильник? Идиот!.. Слабый, ничтожный характер! Напишешь про такое — не поверят. Скажут — натяжка, плохо придумано. А я все-таки залез и сижу здесь, как в плохом виде».

— Прощай, — сказал бородатый

— Прощай, — сказала Саша.

— Ну, я пошел, — сказал он

— Иди, — сказала она.

Бородатый шагнул к двери, и Ким потерял его из вида.

Саша не двигалась.

Ким ждал, бородатый почему-то медлил.

«Уходя — уходи!» — торопил его мысленно Ким.

Бородатый не уходил.

«Что ему еще надо? Почему он не уходит?» — соображал Ким.

— А кто это был сегодня с тобой там? — заговорил бородатый. — Что за тип с поношенным лицом?

«Это я, — понял Ким. — Точный портрет...».

— Про кого ты? — не могла сообразить Саша.

— Ну, этот, в тулупе, — сказал бородатый.

— А-а, — наконец поняла она. — Ким Есенин.

— Этот драмодел?

— Несчастный, одинокий человек, — сказала Саша.

— На фотографиях он посвежей, — заметил бородатый. — Я его не узнал — полысел, опух, мешки под глазами. Мечтал опохмелиться. Живой труп!

«Опять верно сказано, — подумал Ким. — Он, этот могильщик, в трупах разбирается».

Они замолчали.

Потом Саша шагнула к двери, и Ким перестал ее видеть.

Снова загредел холодильник (на этот раз — выключаясь), потом затих.

Саша и бородатый молчали.

«Может быть, они ушли?» — подумал Ким и, осторожно подавшись вперед, выглянул из кухни.

Саша и бородатый целовались у двери.

«Ну, вот! — отпрянул назад Ким. — Теперь все понятно!.. А я-то, кретин, вообразил, что она в меня влюблена. Ха-ха! Как бы не так!.. Все, пора уходить отсюда. Я становлюсь смешным!..» И он нетерпеливо переступил с ноги на ногу, но с места не сдвинулся.

У двери заговорили:

— Почему ты сказал Юре Синицыну, что уезжаешь, а сам вчера не уехал? — спросила Саша.

— Не хотел, чтобы ты страдала еще лишний день, — ответил бородатый.

— Утром, когда я тебя увидела на кладбище, я глазам своим не поверила.

— Решила — я передумал?

— Да.

— Я не передумал.

Саша всхлипнула.

«Боже! Что это она по нем так убивается? — усмехнулся Ким. — Подумаешь, уезжает — важность какая! Уедет — придет... Да она, оказывается, просто дура... Сентиментальная дура!.. Пьесы ей мои не нравятся... А ханыга этот, похоронщик, нравится!»

— Ты с Никифоровичем попрощался? — спросила Саша.

— Представь себе, он сам ко мне пришел, — сказал бородатый. — Отбыл у меня целый час — не испугался. Впрочем, ему то чего бояться? Желал всех благ и даже слезу пустил.

— А я помню, как он к нам на костер в пионерский лагерь приезжал, — сказала Саша. — Помнишь, летчик-герой, весь в орденах? Ты тогда председателем совета отряда был — две нашивки.

— Помню. А ты — санитаркой...

— Какое это было хорошее время! — сказала Саша и снова всхлипнула.

— Было, — вздохнул бородатый.

Они опять затихли.

«Однако я их что-то не совсем пойму, — думал Ким. — Что это они? То ли спать сейчас лягут, то ли газом отравятся?»

— А Катерина, сука, встретила меня вчера на улице и рванула сразу на другую сторону, — сказал бородатый. — Чуть под машину не угодила!

— Не надо о ней так, Андрей, — сказала Саша. — Катерина — одинокий, несчастный человек.

— У тебя все одинокие и все несчастные! — заметил бородатый саркастически.

— Нет, не все, — возразила Саша. — А тебя хватило бы на сто книг, а ты уперся на первой...

— Да, уперся! — сказал бородатый.

— Надо было бороться!

— Перестань! — поморщился он. — Бороться с кем? Все это бесполезно! Охота тебе в сотый, в тысячный раз повторять одно и то же?.. Я нашел письма Радищева! Я и только я! Катерина тут ни при чем!..

— Я знаю это, и все знают! Но она искала их до тебя десять лет!

— И не нашла! А я нашел, и соавторство ее для меня неприемлемо!

— А ты из-за этого все бросил и пошел в похоронщики?

— В похоронщики, ты знаешь, я пошел потому, что меня уволили!

— Правда, не только поэтому! Тебе нужен был скандал.

— Эта моя работа, между прочим, не хуже любой другой.
— Хуже! Это был вызов!.. Ты мог пойти в грузчики, в дворники, в сторожа!

— Нет уж, сторожить — не моя стихия!

— А хоронить — твоя?!

— Ну, вот, наконец-то! И ты заговорила как они! — Бородатый распахнул дверь. — Все теперь, прощай!

— Куда ты? — Она кинулась за ним в шлепанцах.

— На вокзал!

— Я тебя провожу! — Она заплакала

— Нет уж!

— Почему?

— С меня хватит! — сказал он, уводя ее с лестницы в квартиру. — Ты и так уже все сказала!

— Но я только доведу тебя — и все!

— Нет.

Она прильнула к нему.

— Не уезжай! — сказала она плача. — Все же это из-за твоего характера.. Ну что у тебя общего с Америкой?! Ты же там пропадешь! Ты даже языка толком не знаешь!

— Зато ты знаешь два, а что толку?!

— Ты же и в Америке со всеми переругаешься! Уж я-то знаю твой характер!

— Между прочим, я еду в Израиль!..

— Неправда! Ты туда не поедешь!..

— Поеду!

— Зачем ты мне-то врешь?! Ты только до Вены — в Израиль, а оттуда — в Америку или в Канаду!..

— Слушай, заткнись ты! Помолчи!.. Как ты не понимаешь?!

«Какой ужас! — подумал Ким. — Так вот он куда уезжает! Мерзавец!.. Однако все... С меня довольно!.. Вот опять в боку кольнуло. Еще колики мне не хватало!.. Надо уходить. Немедленно уходить! Прямо сейчас направо».

Ким не двигался.

«Жуткий, слабый, ничтожный характер! — ругал он себя. — Тряпка!»

— Не уезжай, прошу! — говорила Саша. — Умоляю.

— Не проси, — отвечал ей бородатый. — Если бы ты любила меня, ты бы поехала!

— Я не хочу! — плакала она. — Не могу!

— Вот видишь, ты сделала выбор! И довольно — сколько можно твердить?!

— Если ты любишь меня, останься! Я там умру, не смогу жить И ты не сможешь!

- Смогу. Там смогу, а здесь нет. Тут — все ложь.
- Так ты за правдой едешь?!
- За правдой! Уж там мне не придется лгать!
- Дурак! Ох ты и дурак! Там не будешь лгать — не будешь жить!
- Дура — ты! А я выживу!..
- Ты там умрешь от тоски!
- Пусть лучше я там умру от тоски, чем здесь — от ненависти!
- Опомнись — ты вырос тут!
- Я здесь все ненавижу!
- И меня?
- И тебя, ты предала меня!

Она съежилась вся, как от удара, закрыла голову и лицо руками.

— Прощай, — сказал он глухо и хлопнул дверью.

«Наконец-то! — пронеслось в голове у Кима. — Ушел!..»

Саша постояла мгновение и рухнула на пол без чувств.

«Скорей, скорей! Путь свободен! — лихорадочно соображал за холодильником разопревший от жары Ким. — Надо уходить! Немедленно уходить, пока этот тип не вернется!..»

Ким вышел из кухни.

Увидев Сашу, лежащую на полу, он успел подумать: «Боже

мой, она же в обмороке, бедняжка!.. Только бы не задеть ее! Только бы не задеть!»

Он поднял повыше ногу и широко шагнул. Нежно скрипнула дверь и тихо закрылась.

На лестничной площадке Ким дрожащими руками замотал на горле пушистый шарф, надвинул шапку по самые брови, поднял повыше воротник и быстро вышел.

Садясь в машину, Ким увидел, как двое метрах в пятидесяти от него, тяжело дыша, молча и быстро расходились в разные стороны. Лица обоих были в крови, оба на ходу умывались снегом. Один из них был бородатый, другого Ким не узнал.

Мотор еще не остыл, и машина круто взяла с места.

«Ну, вот и все, никто меня не видел! — с облегчением думал Ким, когда бородатый и дом, где жила Саша, скрылись за поворотом. — Теперь домой, в Москву...».

К учительнице он заезжать не стал.

«Зачем мне ее будить, старушку? Позвоню из Москвы, попрощаюсь, поблагодарю... А сумку с вещичками мне Игорь привезет...».

Было еще очень рано, и оттого, что он был на шоссе один, чувство освобождения и даже какой-то легкости все больше овладевало им.

Он запел:

— «Вот старик шарманщик у ворот стоит. Знай себе играет, весь иззяб, дрожит. Босый на морозе, смотрит он в суму, но никто ни гроша не подаст ему...»

Машина летела вперед, и яркие огни ее сверкали в синем рас свете.

Ким приоткрыл ветровичок — свежий воздух ударил в кабину.

«Боже, весной вдруг запахло! — подумал он с неожиданным ощущением счастья. — Как хорошо, однако, просто жить! Дышать! Спать! Есть!.. Просто быть!.. А эти мои вчерашние признания, слишком откровенные монологи и новые планы на будущее — это особое возбуждение нервной системы. Результат моей болезни — действие на кровь мочевой кислоты... Надо же, как потеплело вдруг! Прелесть!.. А ведь я до обеда буду уже в Москве!.. Позвоню Светке, завалимся в Дом литераторов, в ресторан. И завтра же рванем на машине в Крым. Встретим в Ялте весну!.. Напишу там «Игоря», да так, что в ста театрах поставят — не меньше! Куплю «Мерседес»!..»

«Вот старик шарманщик у ворот стоит. Знай себе играет,

весь иззяб, дрожит. Босый на морозе, смотрит он в суму, но никто ни гроша не подаст ему...».

«Господи, сколько тоски навалилось на меня в этом городе!.. Прочь отсюда, скорей!.. «Бедный гений в мозгах застучался», — вспомнил он и подумал вдруг: — Однако до чего мерзко на душе, до чего гадко!.. Ощущение такое, будто ласточку убил!..»

Дальше Ким ехать не мог. Он остановил машину, вышел на обочину в сугроб и растер лицо снегом.

«Обиделся, что она не меня любит, — думал он. — А ведь слышал, как она головой стукнулась!.. Перешагнул, и ногу повыше поднял, чтоб не задеть! Аккуратный!.. Перепугался насмерть, что увидят... Все, это конец!» Ким снова растер лицо снегом.

— Нет, не все и не конец! — сказал он вслух сам себе, направляясь к машине, сел за руль и поехал обратно в город.

«Скорей, скорей, — думал Ким, и стрелка спидометра ползла кверху. — Она там одна, и дверь не закрыта...».

Влажные наледи блестели в дымке рассвета темными зеркалами на далеких поворотах дороги

Машина летела вперед.

Ким выключил фары.

«Проповедую любовь, — думал он. — А люблю только себя!.. Вот о чем надо было писать. И это была бы правда!.. Но я это-

го не смог и уже не смогу никогда Поздно. Нет, не поздно! — упрямо думал Ким. — Мы еще повоюем!.. Начну все сначала. Буду писать... Писать только правду! Надо помнить о времени, о народе. О своем возрасте. Поднять правду высоко и нести ее у самого сердца. Бояться только лжи и утрировки... «Бедный гении в мозгах застучался...». Скорей, скорей! Жизнь прекрасна!»

У автобусной станции машину занесло, закрутило на гололеде и швырнуло вон с дороги прямо на водоначку, которая торчала за ней. Глухой сильный удар повис в воздухе.

Вокруг не было ни души. Далекое галки кричали над городом.

Из-за домика автостанции показался Ким. Он постоял, огляделся и направился медленно к телефонной будке... Ким шел неуверенно, вытянув перед собой руки. Дубленка на его спине горела коптящим пламенем... Зайдя в будку, он снял с рычага трубку и стал набирать... Послышались гудки, потом голос Саши:

— Алло, я слушаю..

— Сашенька, это я, Ким.. Вы хорошо слышите меня?

— Да, хорошо.

— Сашенька, постарайтесь меня понять и поверить мне, — сказал Ким. — Я все знаю о вас... Я был у вас дома сегодня и все слышал... Я глубоко перед вами виноват! Вы самая лучшая, самая добрая, самая красивая женщина, которую я когда-либо встречал...

Ким выронил трубку и опустился на пол.

— Алло! Алло, Ким Алексеевич! — звала в трубке Саша. — Что с вами? Откуда вы?.. Я ничего не слышу, Ким Алексеевич!..

Сквозь стеклянные стены будки видно было, как черный дым заволакивал Кима.

— Алло, Ким Алексеевич! Ким Алексеевич! — звала Саша.

«Вот старик шарманщик у ворот стоит,
Знай себе играет, весь иззяб, дрожит.
Босый на морозе, смотрит он в суму,
Но никто ни гроша не подаст ему...».

«Тема» Глеба Панфилова снята в 1979 году. Вышла на экран в 1986-м. По сравнению с другими картинами, разделившими подобную судьбу, этот случай — из благополучных. Семь лет — все же не двенадцать, как у «Агонии» Элема Климова, не двадцать, как у «Ангела» Андрея Смирнова и «Коротких встреч» Киры Муратовой, не тридцать с хвостиком, как у «Тугого узла» Михаила Швейцера. Создатели фильма до премьеры дожили (такое не всем выпало) и даже, пусть с опозданием, получили заслуженные лавры: на Западнберлинском фестивале 1987 года фильм получил «Гран при» — «Золотого медведя», призы ФИПРЕССИ (Международной организации кинопрессы), СИДАЛК (Международного комитета по распространению искусства и литературы с помощью кино), Евангелической церкви и Европейской ассоциации кинотеатров. Успех! Слава! Восстановленная справедливость!

И все же сейчас, спустя время, не лишне вернуться к фильму, осмыслить его, разобраться, из чего он возник, почему оказался неприемлемым для идеологических установок своего времени, почему не постарел спустя годы. Об этом мы и беседуем с режиссером Глебом Панфиловым, сценаристом Александром Червинским, исполнителями главных ролей Михаилом Ульяновым и Инной Чуриковой. Пятый участник разговора — кинокритик Александр Липков, кем и записана беседа.

А. Л. Как сегодня вы относитесь к этой своей работе?

Г. П. Со времени выхода «Темы» на экран произошло уже столько событий, отодвинувших ее настолько, что интерес к ней у меня сейчас сугубо ретроспективный, киноведческий, что ли. «Тема» кажется мне исчерпанной до конца. Признаюсь, никогда так остро не переживал подобное чувство. Чувство рубежа. Все предшествующее отрезано, будто случилось до потопа. Впрочем, по Библии и до потопа было немало поучительных, не утративших своего общечеловеческого смысла событий. Но ощущение сейчас, что сделанное пять лет назад (за последние пять лет я ничего, кроме «Гамлета» на сцене, не поставил) мне уже неинтересно, как прошлогодние школьные учебники. Знаю, что такое ощущение бывает у актеров от сыгранных много раз спектаклей: они из них выросли, как из детских штанишек, но в силу обстоятельств должны еще играть. Отмерло. Пережито. Стало чужим. Но бросить нельзя, потому что ты в труппе.

И. Ч. Я не пытаюсь сравнивать нас с великими. Но почему написанное Достоевским, Чеховым, Лесковым не знает старости?

Г. П. Ты говоришь сейчас как читатель, а я — как автор. Тут надо бы спрашивать у самих великих, не испытывали ли и они подобно-го. А что до читателей, зрителей, у них может быть совсем иное отношение. Я говорю сейчас лишь о своем восприятии.

А. Л. Наверное, это все же ощущение момента. Сейчас вы перед новой работой, большой, сложной. (Наш разговор происходит накануне начала съемок фильма «Запрещенные люди» по горьковской «Матери».) Вам предстоит сделать рывок на новую ступень. Может, отсюда желание отрестить от того, что сделано раньше? А со временем, быть может, захочется совсем иного: обернуться на прежнее, увидеть, что в нем живого, непостаревшего.

Г. П. У меня нет желания отрещиваться. Это мое, как и те учебники, по которым учился. Какие-то из них храню и до сих пор, по истории к примеру. Заглядываю в них иногда. Жаль, не сохранил «Краткий курс истории ВКП(б)». Наверное, он сегодня любопытно читается...

И. Ч. Я не смогла бы сказать как ты. Если так, тогда вообще все бессмысленно, тогда лучше не заниматься искусством — сидеть на своем огороде, сажать редиску. Ведь всему, что сделано, отдано столько увлечения, страсти, жизни... Ну как можно все это пе-

речеркнуть! Мы же знали, на какой риск идем. Но было желание существовать на ином уровне свободы, не подрубить себе же крылья, работать без внутреннего редактора... Был какой-то азарт, озорство, что ли. Мы знали, что туда идти запрещено.

Г. П. Я бы не сказал, что это юношеское озорство. Мы были уже люди вполне взрослые и вполне отдавали себе отчет, куда идем и что нас ждет.

И. Ч. Да, знали, чем все может кончиться. Но нам хотелось разговаривать по существу. Ведь речь о породе полуинтеллигентных людей, в которых мы все постепенно превращаемся, так и не став интеллигентными. И детей своих воспитываем так, что и они пополнят ту же породу.

А. Л. Выходит, фильм не исчерпан.

И. Ч. Не исчерпан. Еще больше можно было сказать в сценарии. Еще более страшную правду показать.

Г. П. Можно. Но тогда бы картины вообще не было.

А. Л. Кто же дал разрешение ее запустить?

И. Ч. Как ни странно, Ермаш*. Наверное, он испытывал что-то вроде комплекса вины за то, что постоянно, из года в год, откладывал обещанную нам «Жанну д'Арк». Как ни странно, сценарий «Темы» ему понравился. Фильм, кстати, тоже понравился.

* Председатель Госкино СССР с 1972 по 1986 г.

Г. П. Точнее сказать, произвел впечатление. Взволновал. Как и многих. Но «взволновал» не значит «понравился». В той же мере вероятна обратная реакция — неприятие. Вообще, для меня более всего актуальным остается феномен неприятия «Темы»

А. Л. Сейчас или тогда?

Г. П. Тогда. Сейчас это картина уже восьмилетней давности: когда она вышла на экран, кинематографисты о ней просто не говорили, для них это уже был позапозапрошлогодний снег. Но в момент завершения «Темы» реакция на нее была для меня неожиданной: с одной стороны, я видел, что люди взволнованы, с другой — что «Тему» не принимают. Не только начальство — мои же коллеги. От них я слышал, что в моем фильме нет надежды, что я бью по своим же воротам — выступаю против интеллигенции. Одно из наиболее ходовых обоснований неприятия примерно такое: если уж взялся говорить правду, то режь до конца, а не можешь — сиди, не высовывайся, будь как все.

Я думал над этим. Да, говорить надо правду, да, «всю правду» высказать трудно, но это не значит, что не надо «высовываться». Если не идти к правде, не придешь к ней никогда. Сколько можешь пройди сам, дальше пройдет другой, третий — постижение правды не может быть результатом усилий одиночки. Да, можно было и жестче и резче сказать. И вообще снимать не это, а скажем, «Один день Ивана Денисовича» или «В круге первом». Но это

не было возможно тогда, да, боюсь, и сейчас тоже. Мера правды не есть некий навсегда установленный эталон. Она меняется. Сейчас именно потому, что время так далеко подвинулось вперед, картина потеряла актуальность — интерес, который прежде мог быть вызван самой остротой темы эмиграции, утрачен.

А. Л. Картина перестала быть злободневной, но современной она осталась и, боюсь, останется надолго. Та полуинтеллигентность, о которой сейчас говорила Инна, — это не конъюнктурная тема, не повод для однодневок. Сколько с этим нам еще сталкиваться! И не только вокруг нас, но и в нас самих. «Тема» еще долго будет зеркалом, в котором нам видеть свое отражение.

М. У. Ситуация, в которую «Тема» попала, — семь лет, которые она лежала на полке, — могла бы ее похоронить не только силою ведомственной, но и более страшной силой — времени. Тем не менее этого не произошло. Картина жива. Ее, правда, здорово подрастаскали друзья-приятели из кинематографа, берущие себе на вооружение все новое, как моду, как джинсы, как прием, как решение, но сама по себе «Тема» не постарела. Почему? На мой взгляд, прежде всего по ряду режиссерскому. Графичность картины, отточенность каждой мизансцены, которая выражает что-то, а не есть просто расположение фигур на экране, глубинная и спрятанная до времени идея, суть картины, постепенно вырастающая из вроде бы незначачих встреч, слов, взаимоотношений, взглядов, — и из всех этих ничтожно-обыденных, привычных проявлений, как фотография в вазе, шаг за шагом вырисовывается картина человеческого угасания, падения, разрухи.

А. Л. Было большое писательское негодование по поводу фильма, исходившее от весьма именитых деятелей. Ким Есенин был воспринят ими как оскорбление высокого звания «инженера человеческих душ», и соответствующей была реакция — защитить честь мундира, не допустить, положить на полку.

М. У. Видимо, не случайно тончайший, умнейший Нагибин в недавней «Кинопанораме» произнес странные слова о том, что таких писателей он не встречал, хотя таких — каждый второй (по внутреннему существу, а не по житейским проявлениям). Ну, может, насчет каждого второго я перебрал, но, во всяком случае, их предостаточно. Нагибин не то что не знаком с ними — он не хочет их знать. Ему обидно за свой цех.

«Тема» и сегодня не всеми принята, точнее, понята. Понимают чаще всего только верхний слой парадоксализма картины — вроде того, что Ким Есенин напивается. Но картина гораздо глубже. Уже один кадр, когда у героя в зубах торчит шерстяной носок приятеля, спившегося романиста, говорит обо всем — об уровне культуры, о том, до какой грани он дошел. Да и Светка, с которой

он приехал в городок, тоже исчерпывающе характеризует состояние, в котором Ким сейчас пребывает. Для него этот странный длинноногий предмет даже не женщина, а так, нечто развлекательно-игрушечное, лишенное человеческих черт. Он, наверное, даже имени ее толком не помнит. Если проследить фильм по такого рода проявлениям, то вырисовывается довольно жуткая фигура. Причем в достаточно обыкновенном человеке. Никакого нагнетания ужасов: безумных глаз, сатанинского смеха. Простая кепочка, каких тьму можно увидеть у молодых писателей. Им уже далеко за..., но они все еще подпрыгивают, выпятив грудь. Подобные наблюдения, увы, не новы, но если заглянуть в суть, то детали такого рода типизируют образ.

А. Л. Михаил Александрович, были ли у вас реальные прототипы, когда вы делали эту роль?

М. У. Ну, скажем, некоторые манеры поведения, стиля одеваться я взял у... Нет, не буду говорить. Были прототипы, были.

А. Ч. Самое любопытное то, что, обдумывая сценарий, мы в первую очередь имели в виду самих себя. Мы не собирались никого обличать, пригвозждать к позорному столбу, искать козла отпущения в каком-то отрицательном персонаже, — прежде всего мы винили самих себя. Ведь поначалу мы соединились, чтобы экранизировать «Слово о полку Игореве», напиться, так сказать, корнями, говоря лексиконом Кима Есенина. Предложение исходило от Глеба, потрясающе интересная тема, захватывающая. Мы написали заявку, многое придумали для сценария, но чем больше погружались в работу, тем больше угасала в нас эта тема. Видимо, все происходившее вокруг мешало уйти в историю, а точнее, не вокруг, а в самих себе. Я постоянно ощущал, что князь Игорь — это бегство от себя, что делать фильм мы должны о совсем других вещах.

Мы говорили о себе, о беде, которая пронизывает всех нас вплоть до сегодняшнего дня. «Тема» совершенно не потеряла актуальности, потому что сегодня мы не перестали быть теми же, что вчера. Реальный прототип героя — мы сами. Поэтому удивительно было слышать возмущение именитых литераторов, заподозривших, что именно их мы имели в виду. Из-за этого я даже не был принят в Союз писателей, хотя у меня более чем достаточно и пьес и сценариев. Голосование происходило вскоре после показа фильма в Доме литераторов, и меня просто повычеркивали из бюллетеней. Видимо, узнали в герое самих себя.

А. Л. Для меня это свидетельство все той же полуинтеллигентности, хуже того — полуграмотности, непонимания вещей, которые человек, занимающийся искусством, не понимать не имеет права. Любой герой книги или фильма есть обобщение. Писатель

Ким Есенин вовсе не сугубо лишь отражение писательской ипостаси — то же в равной мере относится и к актеру, скульптору, живописцу и, конечно, кинематографисту.

И. Ч. Этот недостаток интеллигентности проявляется, на мой взгляд, и в позиции превосходства над окружающими, будь то художника над зрителем («вы не доросли до понимания моего творчества»), будь то критика над художником. Мы, к сожалению, очень остро столкнулись с этим в реакции на «Гамлета». Можно не принимать спектакль, спорить с ним, говорить о просчетах, недостатках нашей работы, но, если ты считаешь себя интеллигентным человеком, надо хотя бы делать это уважительно, не считать, что лишь тебе одному известно, как ставить Шекспира, что наша работа плоха лишь потому, что не соответствует представлению Крымовой или Сергеевой о пьесе. Уважение к другому, не превосходство, а равенство с окружающими — это для меня качества, которыми проверяется интеллигентность.

Г. П. Если уж зашла речь о «Гамлете», то тут мы столкнулись с ситуацией и ожидавшейся и неожиданной. Да, мы знали, что можем встретить непонимание шекспироведов, что и случилось. «Это не по правилам, — сказали они. — Так раньше не ставили, поэтому так ставить нельзя». Можно подумать, что их учеными трудами «Гамлет» закрыт навсегда. Они простили Любимову и свитера, в которых играют актеры, и гитару Высоцкого, и движущийся занавес, но нам не могут простить, что при внешней традиционности постановки мы позволили себе внутренне сделать ее принципиально новой.

Неожиданность в реакции на «Гамлета» была для нас в том, что административные инстанции, в былые годы изматывавшие театры своими поправками, «рекомендациями», закрытиями спектаклей, приняли «Гамлета» без оговорок и возражений, хотя там было к чему прицепиться. А вот охранительные функции взяли на себя критики и некоторые наши коллеги — режиссеры, актеры. Это от них теперь идет: «Как можно было? Кто допустил? Куда смотрели?»

И. Ч. Питер Брук поделил весь театр на живой и мертвый. Я думаю, что точно так же можно поделить и театральную критику. Критика, которая не хочет слышать ничего, кроме собственных слов, не хочет видеть то, что ей показывают, не хочет принимать новое только потому, что оно не похоже на старое, для меня мертва.

Сегодня нам надо сдавать экзамен на демократизм, сдавать его каждый день. Да, каждому из нас что-то может нравиться и не нравиться, мы можем соглашаться или не соглашаться с критикой, так же как критик вправе соглашаться или не соглашаться с нашим

решением спектакля, но превращать по этому поводу газетную полосу в орудие уничтожения спектакля — свидетельство отсутствия демократизма внутри нас самих, отсутствия в нас культуры. Разве «Тема» не об этом? Разве она устарела?

Г. П. К сожалению, кажется, нет. И это я мог ощутить по разным признакам, в том числе и по письмам, которые получал. Одно из недавних — документ поистине выдающийся. Автор его, некто Хоменко, обвиняет меня в заигрывании с сионистами, пресмыкательстве перед «поганью вселенской»: «За сионистскую подачку покривили вы душой, продали свой талант в фильме «Тема».

Отвечать на это не собираюсь. Замечу лишь, что, судя по накаленности, патологической болезненности реакции, фильм остался вполне современным.

А. Л. Но вернемся все же к «Теме», к ее герою. Он ведь персонаж не однозначный, совсем не отрицательная фигура...

Г. П. Заблудшая.

А. Л. Да, заблудшая, мечущаяся, совсем не лишенная способности трезво оценивать себя со стороны. Когда, по-вашему, если заглянуть в предысторию событий, началось падение героя?

Г. П. Момент этот теряется в тумане шестидесятых. Я думаю, Ким Есенин писал пьесы о реформе, начинавшейся в 1965 году, то есть о попытке перестройки того времени, а так как она была спущена на тормозах, то и он спустился на тормозах. Он точно шел по вехам времени, регистрировал, как на барометре, все его главные события. Вместе с XX съездом взорлил, воспарил, честно писал правду о своей боевой юности, о целине, это были, как говорит в нашей картине учительница, искренние пьесы, но где-то к концу шестидесятых, когда с реформой Косыгина было покончено, герой тоже покончил со своей правдой. Он колебался вместе с официальной линией.

М. У. Предшествующая биография Кима Есенина типична для человека его поколения. Школа. Вера в личность человека, именного Сталиным. Война. Честное, мужественное участие в ней. Возвращение с фронта. Начало писательской работы. Успех. И постепенное превращение в ничтожество.

Собственно, почему я был выбран на эту роль? С моим утверждением на роль Кима Есенина происходили драматичнейшие события. Панфилов долго приглядывался ко мне. Я был для него и лаком, и подозрителен, и опасен. Почему? Потому что ему нужно было сочетать корневую систему народного типа и в то же время изолгавшуюся элитарную фигуру из московского Дома литераторов. Это сочетание живого корня и странного плода и обуславливало сложность выбора исполнителя. Буквально в последний момент Панфилов позвонил мне, сказал: «Извините. Я перед вами

виноват, но иначе не могу. Беру Алексея Баталова». Сердце у меня, конечно, дрогнуло. Но постарался быть спокоен: «Ладно. Вам виднее». Как я понял, в Баталове привлекала возможность очень точно выразить сегодняшнюю оценку этой личности. Идейную оценку. Но, вероятно, в этом случае не получалась в нужной мере другая часть образа. Получался герой перекаати-поле. Спустя три дня Панфилов позвонил снова и снова попросил извинения. Наверное, ему нелегко было ставить теперь уже Баталова в неловкое положение, но, ничего не поделаешь, такова режиссерская профессия. Панфилов мучительно искал точное сочетание нужных по замыслу черт: в каждом из возможных вариантов было бесспорно одно и проблематично другое. В конце концов он пошел на риск работать со мной. Правильен был его выбор или нет, теперь уже об этом поздно спорить.

А. Ч. Путь деградации героя — это, на мой взгляд, тот самый путь, который проходим мы все. И в творческой работе и в общественной деятельности мы отрываемся от живых ощущений жизни, от зрительских симпатий и антипатий, теряем простоту, естественность, в нас все более крепнет желание забронзоветь, стать памятниками самим себе. Драматург хочет писать не сценарий, а роман, критик — не статью, а книгу всей своей жизни, режиссер — не просто фильм, а нечто исключительное, что отразит все его время целиком и разом. Сейчас и в жизни и в ис-

кусстве огромные изменения, к руководству приходят совсем иные люди, но в них я ощущаю ту же тенденцию — к гигантизму, к эпохальности. Лучшие вещи художник — я верю в это — делает тогда, когда он скромнее в своих амбициях, когда не хочет вместить на своем полотне сразу весь мир, а довольствуется малой его частицей. А эта частица может отразить бесконечность, вырасти в шедевр.

Возьмите хотя бы Бондарчука, столь уничтожительно раскритикованного на V съезде кинематографистов. Ведь у него же была «Судьба человека» — скромная, честная и очень хорошая картина. А потом началась жажда гигантизма, желание отождествлять себя с эпохой, говорить исключительно о глобальном. И в итоге — закономерный и печальный результат, всем известный.

И. Ч. Это же потихоньку происходит. Хотя далеко не со всеми. Есть же абсолютно верные своему чувству жизни писатели, чьих изменения в политической линии государства не изменили, не повлияли на внутренний ход их творчества. Ким Есенин принадлежит к другим, к тому большинству, которое чутко реагирует на обстоятельства. Ведь надо же жить, и жить хочется хорошо, надо понимать реальный ход вещей. Сначала человек успокаивает себя тем, что, да, тут я покривил душой, но ради дела, ради народа, а проходит время, и уже теряется грань между правдой и ложью, он сам не замечает, что живет в мире фальшивых стереотипов.

А. Ч. Наверное, и наш Ким Есенин когда-то писал вещи, которые были созвучны эпохе. Созвучны потому, что он ее слышал. А затем начал видеть не жизнь, а темы, искать некую тему-абсолют, способную выразить все. Об одном посредственном поэте рассказывают, что, написав очередные стихи о любви, он гордо заявил: «Закрыв тему!» А настоящие человеческие темы закрыть нельзя. Нельзя исчерпать любовь, мир чувств самого обычного человека, проблемы его взаимоотношений с жизнью. Человек всегда часть своего времени. Но когда автор вознамеривается сказать все о человеке, все о времени, как художник он кончен. Я не хочу сказать, что он перестает слышать время — его слышат все. Но слышат по-разному и по-разному представляют свою очередную тему. Поэтому лично я очень счастлив, что мы с Глебом нашли в себе силы отказаться от «абсолютной темы», темы-гиганта и сделать эту очень скромную картину.

У меня есть любимая цитата из Сомерсета Моэма: «Начните с индивидуального, и вы сотворите тип. Начните с типического, и вы сотворите ничто». «Тема» удалась, на мой взгляд, потому, что мы взяли сугубо частную историю, с сугубо индивидуальными персонажами, но в ней вдруг оказалось схваченным нечто ти-

пическое, а сейчас, по прошествии восьми лет, видно, что именно отразила «Тема». Она отразила пустоту и ложь.

М. У. Мне кажется, картина потому не умерла за прошедшие годы, что у нее очень элегантная, тонкая манера письма. Режиссер не разоблачает, не обвиняет, не клеймит, а дает зрителю возможность самому во всей этой простой с первого взгляда, но чрезвычайно противоречивой, многосложной, многоэтажной фигуре постепенно, через мелкие микропоступки, выявить человеческую душу. Достигается это не словами, как обычно, не декларациями состояний и сути, а поступком и позицией героя.

Казалось бы, смешная история, да, в общем, и фарсовая, когда герой, вполне серьезно изображаемый нами, попал в дурацкое, совершенно водавильное положение. Некоторые так и говорили нам: дескать, не слишком ли вы тут переборщили? Но именно через вот это доведение до фарса выявляется вся мера человеческого падения героя. Можно декларировать с экрана: «Я плохой, я ничтожный!» — а можно показать человека, который дошел до такой низости, что позволяет себе подглядывать, зайти в чужую комнату — это все ведь кажется ему допустимым — и сам не замечает, как шаг за шагом приводит себя в идиотское положение обманутого мужа. Или вот такая, казалось бы, простая вещь: после объяснения с бородатым Саша упала, а Ким, убегая, переступил через нее. У Панфилова человек проявляется в микроскопически ничтожных частностях, но через них рассказывает о далеко не микроскопическом разложении души и сути человеческой.

Когда мы начали работать, я, как вахтанговский актер, настаивал на том, чтобы играть некоторое отношение к этому герою. Я, умный артист, знаю цену этому человеку и говорю о том зрителю. Мы довольно долго спорили, Панфилов меня переубедил, и, конечно, оказался прав. Иначе получилась бы еще одна роль-демонстрация: актер демонстрирует зрителю характер. А режиссер потребовал быть этим характером, пережить с ним всю человеческую гамму боли, обид, понимания своего старения-падения.

В общем-то я актер более или менее самостоятельный, не отдаюсь полностью режиссеру, но бывают и иные случаи — именно так обстояло на этот раз. За Панфиловым я шел, как дитя за цыганской скрипкой, верил ему во всем. Причем не потому, что я такой доверчивый, — просто сознавал, что он этот характер лучше меня видит, чувствует, понимает. Ким Есенин для меня все-таки был фигурой во многом загадочной, сначала я пытался найти к нему ключ с совершенно другой стороны, а потому перестраиваться было не так-то просто. Без веры режиссеру ничего бы не получилось.

Г. П. Я давно уже думаю, что наша самостоятельность лишь иллюзия, на самом же деле мы все отражение времени, в котором существуем, причем отражаем мы его не только правдой, но и ложью. Не только прекрасная, глубокая, честная литература выражает время, но и официозная в не меньшей степени. Из сочетания той и другой и возникает объективный портрет времени. Не только Трифонов, Астафьев, Распутин, но и Кочетов, Марков, Стаднюк окажутся авторами, по которым завтрашние историки будут изучать нас...

А. Л. И Ким Есенин и Пашин будут для них равноценны как исторический документ, как свидетельство.

Г. П. ...Ну и, конечно, по произведениям, которые пока еще не публикуются. Вот только недавно вышел «Котлован» Платонова, все потрясены, а это написано пятьдесят лет назад. Еще много потрясений ждет читателей, — может, не нас, наших детей, внуков...

А. Л. В фильме вы не могли воспользоваться человеческим примером Платонова, но у вас есть Чижииков, выполняющий ту же функцию нравственного мерила.

Г. П. Он писал, как дышал, что думал, то и говорил. Его стихи простодушны, словно написаны ребенком, но в них мудрость, ребенку недоступная.

«Сын девятнадцатого века,
Изжил уже я трех царей,
Три революции в полвека!
Но в нас все вижу дикарей».

Это правда, против нее не попрешь.

А. Л. Где вы нашли эти стихи, эту судьбу?

Г. П. В книжке «Бедный гений» Ефима Вихрева, красного журналиста, как он сам себя называл, одного из когорты первых советских газетчиков. Писать он начал еще в гражданскую войну, эта его книжка писалась где-то в конце тридцатых. Она посвящена людям Палеха, художникам-палешанам. Сам Вихрев жил в тех краях, в Ивановской области. Мы с Инной ездили в село, где жил Александр Егорович Балденков, прототип Чижиикова, посмотрели эти места зимой — атмосфера примерно та же, что и в зимнем Суздале. Кстати, сохранилась фотография Балденкова, ее потом опубликовали в «Советской культуре». Он не такой, как наш Чижииков, намного моложе, но выражение глаз, суть характера очень схожи. Из той же породы и художник Ефим Честняков из Костромской области и многие еще другие, которые были частью народа, жили его жизнью, рассказывали о ней в своих стихах, полотнах. Рассказывали правду.

А. Л. А Саша Николаева? Были ли у нее какие-то известные вам прототипы? Или это некий нравственный идеал, рожденный исключительно желанием, чтобы такая героиня была в жизни?

И. Ч. Мне прислала письмо одна женщина из Рязани. Она очень всерьез проанализировала фильм и при всем хорошем к нему отношении говорит, что Саша, конечно, фигура очень далекая от правды: на самом деле у интеллигентной скромной женщины, живущей в провинции, не хватает времени причесаться, тем более что и сделать это негде и денег на парикмахерскую нет. У меня, пишет она, нет нескольких зубов, но вставить негде и не на что. И купить что-то приличное из одежды невозможно, и люди, с которыми приходится сталкиваться, злы, черствы, о культуре не думают и думать не хотят, за каждую мелочь с ними приходится изнурительно биться.

Г. П. Ну, это Саша спустя десять лет после фильма. А у нас она еще молода, зубы целы, живет одна, и пока ей хватает сил, денег и времени следить за собой. К тому же она экскурсовод, всегда на людях — профессия обязывает быть в форме.

И. Ч. А вот Ким Есенин, пишет та же женщина, — это фигура из самой жизни. Такие Кимы повсюду, и столько вреда от них! По письму чувствуется, насколько она одинока и насколько верна своей линии жизни, нравственным обязательствам, которые взяла на себя. Ким Есенин от всего этого свободен, он конформист, а Саша — борец, к сожалению одинокий.

Г. П. Интересно, как поменяло время акценты в соотношении двух этих образов. На это очень точно обратил внимание Ю. Павлов в рецензии на фильм, написанной после демонстрации его на телеэкране. «Как ни грустно, но многое утратил в своем значении, в своей зловещей мощи Ким Есенин. Обстановка гласности публично разоблачила множество таких Кимов, а зло обличенное уже не страшно, как бы ни сопротивлялось... Зато с Сашенькой Николаевой произошли метаморфозы. Нравственная правота была за нею и прежде. Но только сейчас эта правота обрела (вернее, продемонстрировала) силу. И если раньше Сашенькина духовная цельная, безоговорочная честность была прочной защитой от «подбирающихся к горлу времен», то теперь ее личная правота обнаружилась как правота историческая».

И. Ч. Таких людей не единицы. Из той же породы Чижииков, Вихрев, Балденков. Судьба никому не известного, забытого народного поэта чрезвычайно волнует Сашу. Она понимает, что такие «бедные гении» и движут мир к лучшему. Сама их жизнь бесценна. Она ощущает как свою обязанность — рассказать о них, не может изменить этому внутреннему ощущению, не может существовать по-иному, так уж создана.

Единственный близкий ей человек уезжает — она бы и хотела, да не может ехать с ним. Внутренняя программа, заложенная в нее, сильнее. У Саши достаточно душевной широты, чтобы понимать других, но поступать она может только по-своему. При всей своей скромности, если хотите, смиренности это человек с очень активной жизненной позицией. Если Бородатый болезненно переживает, что найденные им материалы выйдут под чужой фамилией, то Саша сама готова отдать все, что собрала о Чижиикове, Киму Есенину. Ей не важно, вспомнят ли он ее в своей книге, важно лишь, чтобы о Чижиикове узнало как можно больше людей.

Г. П. О своей выгоде она не думает совершенно — только об идее. Такое душевное качество называется самоотречением, самоотверженностью. Это, с моей точки зрения, правдивый образ. Есть у него и прототипы. Я встречал их в музеях Владимира, Суздаля, Ленинграда, бывал у некоторых дома. Одну из таких квартир повторяет интерьер в нашем фильме.

А. Ч. Для меня главным прототипом роли была сама Инна. Познакомившись с ней, я просто в нее влюбился — такой это был необыкновенный, очаровательный, прозрачный, чистый человек, просто излучавший доброту. В Голливуде его «золотых» времен фильмы строились на тождестве характера «звезды» и персонажа. В данном случае у нас был точно такой случай. Из всех, кого я в то время знал, она была наиболее близка героине.

Г. П. На встречах со зрителями часто задавались вопросы такого типа: «Скажите, Инна Михайловна, а Паша Строганова — это вы, это ваша история?» На это мы отвечали, что нет, не она, не ее история, — и образ и биография выдуманы, хотя и есть соприкосновения. А вот по поводу Саши я бы сказал: тут нет биографических совпадений с Инной, но это ее характер, ее натура в сюжетных обстоятельствах фильма. Если бы Инна жила в Суздале, работала там экскурсоводом, она бы вела себя точно так же. В этом смысле из всех персонажей, Инной сыгранных, этот ей самый, самый близкий. Могу засвидетельствовать это с полной убежденностью, даже если она со мной не согласится.

И. Ч. Не соглашусь. Потому что, как ни странно, считаю, что во мне есть что-то и от Кима Есенина, к сожалению.

Г. П. Серьезно? А что именно?

И. Ч. Есть какие-то моменты в жизни, когда надо бы вмешаться, сказать о несогласии, а я сижу и молчу.

Г. П. А ты думаешь, что Саша всегда и всем говорит то, что она думает? Наверное, она тоже сидит на собрании в своем музее и молчит, хотя, может, и знает, что говорят вздор. Это естественно: мы живем в обществе, мы не свободны от него. Просто многое в фильме не показано, не Саша в нем главная героиня. Я говорю о другом: в ситуации с Кимом Есениным, с Любшиным — Бородатым ты вела бы себя абсолютно так же, как она.

И. Ч. Я помню, когда Глеб рассказал нам сцену прощания с отъезжающим, у меня сердце просто упало, закатилось так, что не найти. Червинский и Свободин говорили, что это здорово, что сцена должна быть, только я — смелый человек Саша Николаева — пыталась отговорить: «Не будет же фильма...»

Г. П. Это в тебе жена режиссера говорила.

И. Ч. «Но ведь кто-то же должен об этом сказать, Глеб, — убеждали Червинский и Свободин. — Это же факт нашей жизни. Ну скажи ты первый». Мы все переживали тогда такое внутреннее волнение. Наверное, вот так Павел Власов готовился пойти Первого мая со знаменем. Кто-то же должен это сделать! Если не ты, то кто?

А. Ч. В основе сюжетной линии отъезжающего — реальная история, хорошо мне известная. Человек, послуживший одним из прототипов Бородатого, работал в библиотечном отделе рукописей на зарплате 80 рублей и, проявив талант, достойный героя Конан-Дойла, не выезжая из Москвы, по письмам и архивным документам разыскал библиотеку Ломоносова, которая, как выяснилось, находилась в Финляндии. Эту самую библиотеку всю жизнь искала и не могла найти его начальница. Так что в итоге, когда он стал публиковать свое открытие, эту даму присоединили к нему незванным соавтором, что он пережил трагически и из-за чего решился на отъезд.

Предложение Глеба ввести такой эпизод показалось мне совершенно замечательным, это давало всему новый драматургический поворот. Вообще Панфилов не просто прекрасный режиссер, но еще и замечательный драматург. Коллеги-драматурги, привыкшие к разговорам о режиссерах, навязывающихся в соавторы сценария, по инерции не раз спрашивали и меня: «Как же Панфилов не постыдился вписать себя в авторы?» По отношению к нему этот вопрос — совершеннейшая чушь, тут, скорее, речь может идти о том, как это я вписал себя в авторы. Я вовсе не хочу сказать, что ничего для сценария не сделал, — это не так, но его вклад больше моего. Он по складу своего мышления драматург, его умение разрабатывать эпизоды просто великолепно.

Г. П. Не пытаюсь ответить комплиментом на комплимент, хочу все же сказать о том, как много значила для меня поддержка Червинского и Свободина, особенно в отношении линии отъезжающего. Они в меня вселили уверенность в необходимости этой сцены. В таких случаях особо ощущаешь, насколько нужен понимающий, талантливый соавтор и настоящий редактор. Я не изменил и не дописал ни одной строки в сценарии без их участия — и из уважения к ним и из чувства ответственности перед работой, которую мы сообща делали.

Что такое, как правило, редактор фильма? Студийный служащий, приставленный к режиссеру для осуществления цензурного и производственного контроля над его работой. Я не хочу сказать, что и в пределах таких задач редактор не может быть доброжелательным, искренним помощником режиссера. И все же Свободин был для нас чем-то большим: он как бы представлял у нас от имени будущего всесоюзного зрителя. Он был первым читателем, первым зрителем, первым критиком, компетентным, умным, чутким. Работать без обратной связи очень трудно. Он восстанавливал и поддерживал для нас эту обратную связь с теми, к кому мы обращались своим фильмом, на всех этапах работы, начиная с самых первых контуров замысла. По сути дела, он был нашим соавтором.

Сейчас, когда я работаю над «Матерью», и делаю это в вакууме одиночества, не без грусти вспоминается та атмосфера, в которой рождалась «Тема»... Скажите, вы как критик какого мнения о фильме?

А. Л. самого высокого. Точная, мастерская работа. Никаких пустот, «провисов» — каждый кадр насыщен, информативен, конструкция плотна и прочна. Это не просто занимательная история (не люблю рассказывания историй вообще, пережевывания пустот на экране), а художественное единство, скрепленное сквозной мыслью, множеством внутренних связей. Любое

место действия не просто антураж, оно полно значения, смысла — провинциальный город, кладбище, музей, дом учительницы, — нигде ничего случайного. Любой персонаж не сам по себе, а часть единой системы образов. Хотя на экране вроде бы маленький, как бы даже изолированный от «большой жизни» мир, но эта «большая жизнь» отражена в нем замечательно выпукло. Уверен, фильм не постареет.

Г. П. Ну а что, по-вашему, в нем все же останется?

А. Л. Многое, очень многое. Ким Есенин — тип вечный.

Г. П. Вы считаете его вечным? Впрочем, возможно. Меня поразило, что итальянцы говорили мне, что у них этот тип весьма распространенный, о том же приходилось слышать от французов, от американцев: для них Есенин — действующий персонаж их сегодняшней литературной жизни.

А. Л. А в гоголевском «Портрете» разве не тот же тип?.. Я думаю, что и Пашин тоже, увы, вечный тип, но, к счастью, и Чижиков тоже тип вечный. Надеюсь, что и Саша Николаева — тоже.

Г. П. Любшин — Бородатый, пожалуй, тоже тип вечный. Генетический правдоискатель, инакомыслящий.

А. Л. Не сомневаюсь. Авдий из «Плахи» Айтматова разве не та же порода?

М. У. Самая большая задача искусства — заставить человека не глотать приготовленные для него горькие или сладкие пилюли, может быть, даже очень хороших истин, но побуждать

искать собственное решение проблем. Когда человек до чего-то доходит сам, он тем самым учится ходить, а когда глотает пилюли, то лежа атрофирует в себе волю. Нравственное значение картин, подобных «Теме», в том, что они не дают любовного, рецептурного решения, а подталкивают к размышлениям, к осознанию мира и себя в нем.

В чем, мне кажется, гибельность призывов к образу положительного героя как единственно возможного пути решения проблем общества? Сторонникам этого пути кажется: дадим пример, покажем образец, как надо жить, — все будет этому эталону следовать, подражать, все будет в порядке. Чепуха! Опыт последних десятилетий показывает, что по валовому производству положительных героев мы давно вышли на первое место в мире. А каков результат? Мы все звали и звали положительного героя, ставили его всем в пример, а зритель, как назло, смотрит в другую сторону. Почему? Вероятно, потому, что примеры были придуманными из головы, выращенными в колбе. Было время, когда положительный герой был органичен характеру нашего кинематографа: «Чапаев», «Член правительства», «Депутат Балтики». Героев этих любили, но потом пришло иное время. Усложнилась жизнь, наше отношение к ней, наше понимание кинематографа.

А теперь снова-здорово раздаются голоса, призывающие нас создавать положительные образы. Не разобравшись, что с нами происходит, как мы живем, каковы наши сегодняшние проблемы, как их решать, нам опять навязывают положительного героя как спасительный рецепт искусства. Давай пример, и все тут! Подождите, дайте разобраться, как мы живем. Нет, хотят примера и ничего другого не слышат.

И. Ч. Если литература — литература, то в ней, когда бы ее ни читали, человек всегда будет видеть себя. Сейчас у нас замечательная возможность говорить об очень многом, не знаю — обо всем ли, но о многом — это точно. Хорошо бы нам, тем, кто занимается искусством — писателям, режиссерам, актерам, — не забывать вот об этом главном качестве искусства: говорить не просто о каких-то актуальных проблемах, а о человеке. Актуальность проходит, человек остается. Глеб, вот ты можешь сегодня читать Софронова?

Г. П. Я думаю, это и поставить интересно. Только с современным, сегодняшним отношением и не как пародию, «капустник», а абсолютно серьезно. Или, еще лучше, в виде пьесы в пьесе: «Играем Стриндберга» — «Играем Софронова». Подумать только, еще недавно его печатали, ставили — сегодня кажется, что это было так бесконечно давно.

А. Л. Включая «Тему», все ваши фильмы поставлены по оригинальным сценариям, после нее «Валентина», «Васса» и «Запрещенные люди», которые вы будете снимать сейчас, — экранизации. Не есть ли это обращение к уже апробированной литературе — реакция на семь лет полочного лежания «Темы». Я не хочу назвать это бегством от современности — фильмы вполне современны по мысли, а «Валентина» и по времени действия. И все же не есть ли это попытка закрыться авторитетами?

Г. П. Думаю, нет. Вампилов — авторитет для меня, но не авторитет для начальства. Горький — да. Но он, с одной стороны, как бы прикрывал нас, а с другой — подвергал не меньшему испытанию. Институт мировой литературы зорко следит за его наследием, и малейший шаг в сторону...

А. Л. ...рассматривается как побег...

Г. П. ...карается законом. Фильмы эти не уход от современности. Да, действие «Матери» относится к началу века, но речь идет о том, что очень актуально, — об истоках рабочего инакомыслия. Более того, не вижу возможности решать эту тему на современном материале. А постановка Шекспира — это что? Уход от современности?

А. Л. Попытка высказать собственные мысли о современности в форме шекспировской интерпретации.

Г. П. Бежать в Шекспира? Не отрицаю, готов всегда и с удовольствием. Это так интересно! Это значит говорить о том, что было, что есть и что еще будет. Это попытка прикоснуться к великому на уровне великого. В этом нуждается каждый режиссер. При том, что совсем не просто выдержать испытание высотой задач, которые Шекспир ставит. Что касается лично меня, то только после «Вассы» пришел и к необходимости ставить «Гамлета» и к ощущению внутренней возможности братья за него.

А. Л. Что дала «Тема» последовавшим за ней работам? Как вынесенный из нее опыт отразился на вас, на ваших работах — ролях, сценариях, фильмах?

М. У. Думаю, никак. Я не отношусь к числу тех актеров, которые, сыграв какую-то роль, стараются протянуть ее и в других спектаклях и фильмах. Вахтанговская школа приучила нас каждую работу начинать как с белого листа. Конечно, опыт работы с таким режиссером не может не быть полезен, но как он преломится в дальнейшем, трудно судить. Другие роли — другие задачи, другие проблемы, другие жизненные слои, другие повороты в постижении характеров. Что общего между Есениным и Тевье-молочником или между Есениным и маршалом Жуковым, которого вынужден «лудить» двадцать один год подряд?

А. Ч. Что касается меня, то, думаю, главная переменна, кото-

рую сегодня в себе ощущаю, началась чуть раньше. Перед «Темой» я написал сценарий о Лермонтове «Из пламя и света» и с этого времени все последующее писал, совершенно не думая о том, поставят или не поставят, проходимо или непроходимо. Если режиссер идет на риск, ставя картину, которая неизвестно будет ли в итоге выпущена, то сценарист и подавно не должен бояться, что его сценарий останется в столе. Существо, сидящее в каждом из нас и именуемое «внутренним редактором», я в себе, надеюсь, истребил полностью. Вкусив правды, становится отвратительно врать. Поэтому и сама эта работа и общение с Глебом были очень важны для меня. Манера его работы необыкновенна. Это работа на износ, работа бескомпромиссная, это внутренняя готовность переделывать написанное и сто и тысячу раз, пока не будет достигнута та мера точности и завершенности, которая целиком устроит его самого.

Есть такая американская машина, которая посреди чистого поля, с буераками, кустами, валунами и черт-те чем, прокладывает шоссе, оставляя за собой асфальт, по которому уже могут ехать автомобили. Глеб кажется мне такой же упрямой, медленно и непреклонно движущейся машиной. Он идет через неведомое, а за ним уже остается готовый к постановке сценарий.

Работы наших кинодраматургов часто грешат тем, что их можно без труда и без вреда для написанного переделывать. Можно написать так, а можно иначе. То, что написано Глебом, не позволяет вести сюжет в любую сторону. Он предлагает вариант единственный и окончательный. Он знает, что хочет сказать, и говорит то, что считает сказать необходимым. Для редакторского вмешательства простора не оставляется. Все доказательно, все убедительно. Искалечить его сценарий можно, исправить нельзя. «Тема» в этом смысле для меня была работой этапной — после нее ни один свой сценарий я, написав, не переделывал. Все принимались с первого варианта.

А. Л. А для вас, Глеб, что дала «Тема»? Как повлияла на последующее?

Г. П. Не знаю. Хотя, конечно, каждый фильм влияет на все последующие. Без «Жанны д'Арк» я не мог бы делать «Вассу». Не важно, что «Жанна» осталась только лишь сценарием, но я ее прожил, я ее сочинил, она во мне. И без «Прошу слова» тоже не мог бы поставить «Вассу».

И. Ч. Если подумать о том, как пришла «Тема»...

Г. П. Если вопрос так ставится, то я могу ответить. «Тема» возникла от тоски и безвыходности. Восемь лет нам не давали ставить «Жанну». Тщетные попытки пробиться, обман, который я пережил... Ермаш сказал: «Сделай современную картину, а

потом снимешь свою «Жанну». Я сделал «Прошу слова», он свое обещание не выполнил. Мы находились в тупиковой ситуации, и вот тогда и возникло желание рассказать о писателе, переживающем острое чувство неудовлетворенности, нереализованности, то есть то же состояние, в котором находился сам. У меня, кстати, это чувство и сейчас остается — боюсь, что мне от него уже никогда не избавиться. Шесть фильмов за двадцать один год работы в кино! Это значит — пятнадцать лет простоя, времени, ушедшего на борьбу и ожидания.

И. Ч. Я подумала сейчас, как странно складываются биографии. Есть какие-то глубокие желания, стремления, но, когда начинается давление всевозможных «нельзя», «не надо», «делай это», «не делай это», может ли человек сохранить себя прежним? Я помню, как Глеб говорил, что нас загоняют в замочную скважину, но мы должны через нее пролезть и вылезти теми же. И при этом выразить то, что хочешь выразить. А на симпозиуме в Италии Уго Пирро говорил, что не знает, как справились бы с подобной ситуацией их режиссеры. Вы, говорил он, не просто видите в темноте, но еще и различаете цвета и оттенки. Ведь это же действительно так. Я не знаю, как сложились бы наши биографии, если нам дали бы снять «Жанну»...

Г. П. По-другому. «Темы» бы не было. Это я могу сказать твердо. Была бы «Жанна», был бы после нее и другой фильм. Какой — не знаю. Но уверен, что другой.

И. Ч. Откуда возникает диссидентство? Да от тех же самых людей, которые запрещают, не позволяют, требуют делать только так, и никак иначе.

Г. П. Уверен, что феномен Андрея Тарковского — прямой результат политики Госкино. «Тема» — прямое следствие политики Ермаша, его личная заслуга. Он мог бы получить прекрасный, светлый, жизнеутверждающий фильм «Жизнь Жанны д'Арк», но он его не разрешил. Спектакля «Гамлет» тоже бы не было, если бы нам разрешили снять его в кино. А так, опять же благодаря Ермашу, я дебютировал в театре. Он все время искривлял мой позвоночник, и я рос не так, как предписано мне природой, а сообразно условиям, в которые был поставлен. Я мог бы привести еще и примеры других судеб, но сейчас говорю только о себе. О том, что знаю наверняка.

И. Ч. Почему он не разрешал «Жанну д'Арк»? Мне кажется, он просто не хотел фильма, не похожего на другие. Будь как все. Не высовывайся. И боюсь, что это не ушло в прошлое. И сейчас, наверное, окажется достаточно ситуаций, когда режиссеру будут говорить: «Нет, ваш замысел не соответствует духу перестройки». А если он не хочет обличать так называемые нега-

тивные явления, не хочет снимать про наркоманов и проституток! Может, у него сценарий о прекрасном, светлом человеке. Нельзя отбрасывать одни шоры, чтобы тут же заменять их другими.

Г. П. Как ни парадоксально, Ермаш сам был поставлен в такие условия, когда он не мог отказать нам в «Теме». Я пятый год не снимал, его за это уже долбали. Не желая дать «Жанну», он вынужден был дать «Тему», из-за которой у него было гораздо больше неприятностей. Зацепки отказать тут не было — ведь современная же тема! Сам же, что называется, себе на шею повесил. Сам и виноват.

А. Л. Вспомним еще, что «Тему» вместе с «Агонией» Климова показали вне конкурса на Московском фестивале 1981 года. Тогда все иностранцы были поражены: что за странный народ русские! На конкурс дают средней руки коммерческий фильм «Тегеран-43», которому под диким давлением на жюри выколачивают премию, а вне конкурса — две убойные картины, которым на любых фестивалях обеспечены главные призы. Что, кстати, и подтвердилось, но, к сожалению, семью годами позже.

Г. П. Да, мы могли бы оказаться в том же Западном Берлине и в 1980-м. Разрешительное удостоверение на фильм, дату помню точно, подписано было 4 сентября 1979 года.

Поразительное впечатление осталось от утреннего просмотра для прессы в Берлине. Мы пришли просто взглянуть на качество копии, ожидали, что будет человек сто, ну двести, и вдруг — зал на полторы тысячи мест полон. Реакция была замечательной. Мы с Инной тогда сказали: даже если ничего не получим, уже ради одного этого стоило приехать.

А. Л. Я подумал сейчас: ну хорошо, предположим даже, фильм не вышел бы на экраны, предположим, он до сих пор лежал бы на полке. Все равно все эти годы фильм работал. Он был одной из тех бомб замедленного действия, которые готовил V съезд кинематографистов.

Г. П. Я все-таки думаю, что съезд кинематографистов более всего был подготовлен XXVII съездом партии. Ну а насчет того, что «Тема» работала, — тут уж конечно. Ее растаскивали. Такова судьба всех картин, лежащих на полке, — я не ропщу, я просто констатирую факт. Один из зрителей на творческой встрече сказал мне: «Товарищ Панфилов, ну как вам не стыдно! Вот вы пригласили Сергея Никоненко на роль лейтенанта Синицына, а ведь он это уже сыграл в «Инспекторе ГАИ». Это же плагиат называется, товарищ Панфилов. И Михаил Александрович Ульянов сыграл в фильме «Без свидетелей» характер, очень похожий на тот, что вы ему предложили, хоть там он и не писатель».

Кстати, зритель, я думаю, назвал далеко не все картины, где я был «плагиатором». Что я мог ему ответить? Посоветовал обратить внимание на год выпуска картины: он в титрах оставлен — 1979-й, я не позволил поменять цифры.

А. Л. Вот видите, картина работала, и довольно активно. Но я все же думаю, что работала не только для других, но и для вас, ее авторов, тоже.

И. Ч. Наверное. Хотя прежде я не думала об этом. Если говорить о себе, то все, что я позже делала, было далеко от Саши. И по характеру и по возрасту даже. Это уже были роли матерей. Думаю, Саша была первой и последней из ролей такого типа: я, к сожалению, мало играла женщин, которые мне внутренне близки. Режиссеру при всех трудностях его профессии все-таки легче: замысел, отложившийся по каким-то причинам, можно осуществить спустя и десять и двадцать лет. А актеру упущенное часто уже не наверстать — ушло время. Я с Глебом вместе теряла годы, ждала Жанну. Роли, которые играла, каждый раз требовали открытия своих героинь заново: это был не мой опыт, не мой характер. Саша, единственная из всех, была той, кого я уже достаточно хорошо знала. Целый возрастной период жизни современной женщины остался мной не рассказанным, хотя у меня были о нем свои мысли, ощущения, которыми хотелось поделиться.

А. Л. Что изменилось по сравнению со сценарием в ходе самих съемок? Что приобрелось, что потерялось? Потерялось ли то, о чем стоит жалеть, или, наоборот, то, о чем жалеть не стоит?

Г. П. Нам не удалось снять катастрофу, как было задумано. Не потянул каскадер. И из-за второго каскадера, который должен был гореть, отказались от финального кадра — просто, поработав с ним, поняли, что он сгорит по-настоящему.

А. Ч. Мне жаль первоначального варианта финала, который нас заставили переснять. Ким Есенин звонил из автомата, он заходил в кабину, ее заволакивало дымом, и, когда дым рассеивался, его уже не было. Он исчезал. Куда? Что с ним? Мы не знаем. Он физически прекращал существовать. Это был очень сильный конец. Я помню, когда музыка вступала на этой пустующей будке и шли завершающие титры, было ощущение мороза по коже. Какое-то просто мистическое чувство.

В замыслах были и другие варианты. Мне очень нравился финал, который Глеб намеревался снять покадрово, а снимать потребовалось бы, наверное, полгода. Поставить камеру неподвижно и, снимая через какие-то интервалы, показать, как снежный покров тает, текут ручьи, сходит вода, обнажается земля, начинает пробиваться зеленая трава. Это заставило бы

по-иному понять и почувствовать мысли о смерти, которые преследуют героя. Это не словеса, не балаболство. Это очень всерьез. Мы ведь все примеряли на самих себя: ради чего живем? что стоит вся эта мышьяная возня? что после нас останется?

Г. П. Существовал иной, иронический вариант финала, отвергнутый нами по причине его полной непроходимости в то время. Да я и не уверен, что он лучше нынешнего. Хотя и более типичен.

Герой наш должен был произносить монолог: «Боже мой, весной вдруг запахло! Как, однако, хорошо просто есть, спать, дышать, просто быть. А эти мои вчерашние откровенности, разговоры, новые планы на будущее — это все результат болезни, действия на кровь мочевой кислоты. Приеду в Москву, позвоню Светке, завалимся с ней в Дом литераторов, в ресторан, и завтра же махнем на машине в Крым, встретим в Ялте весну. Напишу там «Игоря», да так, что сто театров поставят, не меньше. Куплю «Мерседес».

И это уйдя из квартиры Саши! Это как острая реакция на пережитое, как избавление от него. Не хотелось ни оставаться тут, ни помнить, что случилось, — хотелось бежать, забыться, и он стал думать о приятном. Так и уезжает в кадре по дороге, далеко-далеко, превращаясь в точку. И надпись на затихающем звуке мотора: «В этот день Ким Алексеевич Есенин действи-

тельно, как и предполагал, позвонил Светлане. Вечером они зава-
лились в Дом литераторов, в ресторан, а на следующий день мах-
нули на машине в Крым, встретили в Ялте весну. Там Ким Алек-
сеевич написал своего «Князя Игоря», пьесу поставили сто четыре
театра. Недавно Ким Алексеевич купил «Мерседес». Сейчас
он пишет новую пьесу. О БАМ».

А. Л. Тот финал, который у вас в фильме, с катастрофой и,
возможно даже, гибелью героя гораздо более оптимистичен.
Кстати, как вы для себя отвечаете на вопрос: погиб ли Ким
Есенин или остался в живых?

М. У. Ким Есенин погиб. Погиб не физически — нравственно.
Может, он еще будет существовать, но, к его великой беде или
счастью, в нем еще не умерла совесть, и в этом его трагедия.
Есть люди, которые в точно таком состоянии превосходно себя
чувствуют, и именно потому, что совесть у них атрофирована
начисто, не создает им никаких болевых ощущений. А у Кима что-
то еще в душе осталось. Погиб ли он физически или остался в жи-
вых, в любом случае финал абсолютно определен и однозна-
чен. Как человек он кончен

Г. П. И все же, я думаю, наш финал оставляет надежду на воз-
рождение героя. А в том нереализованном варианте он получился
бы законченный подонок и ничего сверх того. Это был бы другой
герой, хотя, по жизни, и более распространенный.

Я в ульяновского Кима Есенина верю. Именно в ульяновского. В этот генотип. Верю в его способность возродиться. Пережив такое потрясение, да еще и физическую травму, он способен написать правдивую пьесу. Натяжки тут, на мой взгляд, нет

Впрочем, возможным представляется мне именно для такого характера и иной финал, о котором мы тоже думали в момент съемок. Тот же монолог должен был произносить герой, тот же финальный кадр и так же, на затихающем звуке мотора титр, но иного содержания: «В этот день Ким Алексеевич Есенин действительно, как и предполагал, позвонил Светлане. Вечером они завалились в Дом литераторов, в ресторан, оттуда махнули в ресторан Дома кино, оттуда — к друзьям на Малую Бронную и только потом к себе домой — на дачу в Красную Пахру. Утром нового дня Ким Алексеевич повесился у себя в прихожей, в платяном шкафу».

Если бы сейчас можно было отмотать время назад, заново делать эту картину, я, наверное, выбрал бы этот, третий финал. Тупик героя. Безысходность отчаяния. Попытка забыться вином, а затем — жуткое, тяжелое протрезвление.

Мне вспоминается случай. Я работал тогда инженером на заводе. Как-то в начале смены в цехе упало давление пара. Стал звонить в котельную — никто не отвечал, тогда я пошел туда выяснить, в чем дело. Вижу: трое рабочих, забыв о котлах и паре,

терзают напильниками пойманную крысу. Бедное животное металось из угла в угол клетки. Наконец один из парней поднес клетку к топке, а другой, угадав его намерение, открыл дверцу, и обезумевшее животное прыгнуло в пламя. Огонь казался ей избавлением от мучений. Люди, травившие ее, были страшнее. Увиденное меня потрясло. Я вспомнил эту историю, когда размышлял о финале картины. Точнее выразить состояние Кима Алексеевича в тот момент нельзя.

И не надо было бы показывать, как приходит Светлана, как отпирает своим ключом дверь, как хочет повесить пальто в шкаф и потом падает без чувств на пол, увидев висящего Кима Есенина. Ничего не надо. Только титр на фоне неподвижного пейзажа, автомобиль, превратившийся в точку, багровое рассветное небо. Тишина. Потом музыка. Шуберт. «Зимний путь»:

«Вот старик шарманщик у ворот стоит,
Знай себе играет, весь иззяб, дрожит.
Босый на морозе, смотрит он в суму.
Но никто ни гроша не подаст ему...»

Долгое время в кинематографе спорить было или почти не о чем, или совсем незачем. Теперь же страсти понемногу разгораются, как отсыревшие дрова в костре.

В дискуссиях о «Теме», наконец-то вышедшей на экран и всколыхнувшей общественное мнение, вызвавшей споры, одобрение, злобу, недоумение, восторг, отрицание, множество несходных оценок и разноречивых чувств, отражается, на мой взгляд, наше сознание, оценивающее фильмы и факты кино в попытке перестроиться.

Нея Зоркая. «Искусство кино»

«Тема» гораздо шире той конкретной ситуации, которую мы непосредственно видим на экране, шире конкретной проблематики литературы. Для меня она проецируется не только на все искусство, но и на ситуацию общества. Очищение — процесс долгий и нелегкий, и фильм этот будет еще долго и честно работать на этот процесс.

«Тему» хотелось бы смотреть не раз, не торопясь за развитием экранных событий, останавливаясь на каких-то особо глубоких местах, — так, словно читаешь умную, горькую, правдивую книгу.

Тээт Каллас. «Советская Эстония»

Если в картинах зарубежных режиссеров... нередко выводится на экран фигура мятущегося, рефлектирующего художника, то мы подобные смятения предпочитаем не показывать. Словно их нет и не может быть у членов СП СССР и других творческих союзов. Или что от таких внутрихудожественных проблем надо уберегать широкую публику... Глубочайшее заблуждение! Главные вопросы художественного творчества — вопросы не только эстетические, но и этические, идеологические, общезначимые.

Евгений Громов. «Литературная газета»

Так же как и картины Шукшина, «Тема» Панфилова — картина очень русская. И не только потому, что снята она на фоне русских пейзажей в старинном русском городке, и не только потому, что русский драматург пытается написать здесь пьесу по мотивам «Слова о полку Игореве». Фильм этот русский по

TEMA

своему духу и настрою Русь издревле славилась не только великими гениями, но и незаметными мыслителями, такими, например, как Чижиков, которые во многом способствовали формированию национального самосознания и национальной культуры...

Порою кажется, что Панфилов слишком жесток к своим героям. Он не щадит ни тех, кого явно осуждает, ни даже тех, кому симпатизирует. Все они проходят у него проверку жизненной правдой.

Виктор Андон. «Советская Молдавия»

Фильм Панфилова выстроен как хорошо распланированный современный дом, где все рационально, поражает четкостью и завершенностью линий. Люди же в этом доме живут свободно и непринужденно, а кинокамера Леонида Калашникова то заглянет, приблизившись, в самую душу Кима Алексеевича, то благоговейно замрет перед Сашей Николаевой, пораженная ее духовной незамутненностью.

Георгий Капралов. «Правда»

Никогда не боявшийся публицистической рубрики формулировками, отведший этому в «Прошу слова» полновесные и прекрасные эпизоды (например, с Шукшиным), Панфилов все-таки только в «Теме» рискует взмывать к высотам философских обобщений, что называется, без разбега, с земли, из-за обеденного стола, под дожевывание грибочков.

Виктор Демин. «Литературная Россия»

В «Теме» удивительное смешение двух, казалось бы, не способных сплавиться жанров — психологической драмы и публицистики. Редкостен ее актерский ансамбль, точность исполнения главных и второстепенных ролей. И все-таки вершинная актерская работа фильма — Михаил Ульянов в роли Кима Есенина. Вот оно, торжество актерского искусства, проникновение в сущность другого человека! И как всегда (почти всегда) в работах Ульянова — ощущение значимости и масштаба человеческой личности актера, его гражданского темперамента. Он ненавидит суету, животность бытия своего героя, он борется против Кима и за него.

Наталья Бабочкина. «Советская Россия»

Как я ни стараюсь припомнить какую-нибудь роль, которую Инна Чурикова сыграла бы плохо, ну хотя бы слабо, вяло, припомнить не могу. Все удалось ей сделать тонко, умно, талант-

ливо, убедительно. Вот и сейчас Сашенька. Как необычно и остро сочетаются в ней детская незащищенность и умудренность каким-то большим, не определенным для нас еще опытом. Как отражают ее глаза и правду, и искренность, и реакцию на ложь, на позерство собеседников. И даже резкость сумела актриса оправдать именно этим сочетанием незащищенности и умудренности горем.

А ведь сценарно, драматургически эта максималистская резкость не оправдана!

Ростислав Юренев. «Советский экран»

В одном из выступлений на съезде кинематографистов прозвучала мысль о том, что об уровне киноискусства нужно судить по вершинам. «Тема» — одна из таких вершин. Но как же важно добиться, чтобы вершины эти никогда не заволакивались ведомственными и прочими облаками!

Владимир Вишняков «Труд»

ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ О «ТЕМЕ»

Чтобы картина производства 1979 года представлялась на международный конкурс спустя восемь лет после ее создания — явление не вполне нормальное. Но ненормальной была до сих пор и ситуация в советском кинематографе, до такой степени подавленном контролем, что фильмы нередко клались на полку, не дождавшись премьеры.

Фернандо Лира. «Диарио 16», Испания

Нетрудно понять причину задержки выпуска «Темы», отпавшую только в эпоху гласности. Но в конце концов не политика, а горький юмор, честность до конца и истинный гнев авторов фильма выделяют эту искусно снятую картину на фоне других произведений.

«Ньюсдей», США

Это сильный, прекрасно построенный по композиции и блестяще сыгранный Инной Чуриковой и Михаилом Ульяновым фильм. Намеки на атмосферу лжи, на привилегии отдельных слоев общества при забвении других объясняют, почему фильм не выпускался на экран столько лет.

Мануэль Алькала. «Йа», Испания

«Тема», трагикомедия, где сама трактовка куда интереснее, чем тема, — смесь цинического натурализма с мягкостью решения, что делает ленту явлением весьма необычным... Персонажи картины, по крайней мере два главных героя, поразительно реалистичны. Трудно избавиться от ощущения, что они существуют и мыслят как бы вне сценария. Все происходящее мы воспринимаем глазами героя, причем не бесстрастно, но сквозь призму его размышлений и оценок... За всеми диалогами, звучащими потрясающе свежо, ощущается живая мысль автора, мы понимаем ее своеобразие, ее критическую остроту.

Э. Родриггес Марчанте. «АБЦ», Испания

Те, кто знаком с творчеством Чехова, сразу же узнают в этом персонаже Тригорина из «Чайки», усталого писателя средних лет, подавленного ощущением своей несостоятельности. Ким говорит: «Даже моя жизнь началась как необычный роман, и что из этого вышло?»

«Тема» — фильм простой и вместе с тем глубокий, это размышление о месте человека в жизни, о свободе и ответственности. Стиль произведения выдержан в русле знаменитых русских юмористических традиций. С помощью прекрасных актеров Панфилову удалось придать повествованию чеховскую интонацию, опозитизировать грубую реальность современной жизни, где насилие и страх царят и в мирное время.

Да, воистину человек не изменился за последние десять тысяч лет и, возможно, не слишком изменится и в последующие тысячелетия, но то, что ныне свободно говорят в России и Америке во «Взводе» и в «Теме», кажется неплохим предзнаменованием.

«Ла Республика». Италия

Панфилов умело балансирует между юмором и болью... Чурикова вложила в исполнение роли своей героини и грусть, и энтузиазм, и страсть... Ульянов обрисовывает характер такого русского и тем не менее имеющего столько общего с «литературными льваами» Запада маститого писателя. Надо отдать должное и изобретательности Панфилова, раскрывающего тонкости жизни советского общества.

Возможно, именно сцена, в которой возлюбленный Саши, тоже писатель, отказывается от своей Родины («Тут все ложь!»), стала причиной того, что советские власти задержали выход этой возвышенной работы. Теперь мы можем поблагодарить гласность за шанс увидеть фильм...

Уолтер Гудман. «Нью-Йорк таймс», США

Прекрасно играют главных героев М. Ульянов и И. Чурикова... Весь фильм только и держится на их замечательной игре. Однако одного этого, по-видимому, явно недостаточно для создания подлинного киношедевра. Сценарий из рук вон плох — надуманные ситуации, неестественные, вычурные диалоги. Кроме того, картина Панфилова грешит недостатком, присущим, увы, многим советским фильмам последних лет: чрезмерная затянутасть и отсутствие динамичности.

...Только ли за художественные достоинства высоко оценили работу Панфилова западные критики и пресловутая «масс медиа»?

В. Козлов. «Русский голос», Нью-Йорк

«Тема» богата нюансами и разнообразными типажам: в напряженном и аналитическом повествовании то и дело вспыхивает искрометный юмор... Блестящи исполнители главных ро-

лей Ульянов и Чурикова, очаровывает и игра остальных актеров создающих страстные и убедительные характеры.

Режиссура Панфилова безупречна, под стать ей и операторская работа Леонида Калашникова.

«Форвард», США

Фильм умный, смелый, остросюжетный и в то же время едкий и забавный. Это выгодно отличает его от других, иногда очень хороших, но скучных советских фильмов. Приятный сюрприз.

Орельен Ференчи. «Л'Экспресс», Франция

Диалоги, где верно каждое слово, где выпад следует за выпадом, неожиданны сюжетные повороты коротких историй, — лучших шедевров не найти даже у Лабиша.

Есть люди, обладающие абсолютным слухом. У Панфилова — абсолютное чувство ритма повествования. Сюжетные ходы у него то внезапны, с умелыми поворотами, то известны уже заранее тяжеловаты, вялы...

«Тагесцайтунг», Западный Берлин

«Тема» Глеба Панфилова, где русская тоска сочетается с французским легкомыслием, полна противоречий, наивного шарма и грациозной меланхолии.

Дитер Штрунц. «Моргенпост», ФРГ

Холодное безлюдье заметенной снегом дереваушки в полной мере соответствует образу драматурга Кима Есенина, душа которого застыла от горького цинизма. Он достиг положения художника, избалованного привилегиями, но ощущает себя столь жалким, что уезжает из Москвы в провинцию

Благодаря едкой игре Михаила Ульянова в роли погруженного в себя главного героя и Инны Чуриковой в роли Саши фильм стал леденящим обвинением репрессиям и мучительным размышлением о моральной ответственности художника

«Дейли ньюс», США

Жестокая, резкая картина, извлеченная благодаря «эффекту Горбачева» из шкафа, в котором хранилась семь лет. По дерзости «Тема» не уступает фильмам Вуди Аллена.

«Монд э ви». Франция

«Тема» — фильм горький, странный и дерзкий.

Смещение чувств и иллюзий в нем, конечно, заставляет вспомнить Чехова. Мизансцены элегантны. Неотразимое оружие Пан-

филова — фиксированный кадр. Но, в отличие от большинства режиссеров, он им пользуется не для того, чтобы заострить внимание на эффектном эпизоде, либо выделить реплику, либо подчеркнуть психологический аспект, а для того, чтобы нарушить ритм происходящего и повести зрителя в неизведанном направлении. Парадоксально, но факт: у Панфилова фиксированный кадр становится динамичным. В сцене, где Ким звонит своей бывшей супруге в Москву, камера неподвижна, но кажется, что кадр движется в том же темпе, в каком нарастает гнев Кима.

Пьер Мюра. «Телерама», Франция

Это выдающееся произведение. В нем много комичного, и вместе с тем оно полно щемящей тоски, в особенности в финальных сценах.

Картина эта о различных гранях чувств — от эгоистического флирта до любви, столь глубокой и всеобъемлющей, что она приводит к гибели любящие сердца... В каждом эпизоде ощущается новый подход к киноповествованию; его острота и гуманизм достойны пера Чехова.

«Стандард стар», США

По короткому пересказу «Тема» может показаться серьезным и даже злым фильмом. Это не так. При всей своей горечи и полемичности это комедия. Кто-то, возможно, обидится, если мы скажем, что Панфилов немного напоминает русского Этторе Скола. Его острый взгляд на теневую сторону жизни в Советской стране смешан с иронией, превращающей произведение в пусть и горькое, но развлечение.

«Иль Мессаджеро». Италия

«Тему» отличают скупые, едкие диалоги, ироническое отношение героев к себе, великолепная композиционная схема взаимоотношений персонажей. Но самым поразительным было для меня то, что герои фильма как бы вскользь иронизируют над всей чиновничьей машиной — над милиционерами, академиками, бюрократами, министерствами, — как будто критика в Советском Союзе привычное явление. Нет и следов какого-то давления, цензуры... Панфилов отбрасывает все правила игры с такой легкостью, будто их вообще не существует. Едва ли можно представить себе больший контраст, чем между элегантностью Панфилова и глубоким пафосом Климова. Только финал фильма — горящая в снегу машина, раненый писатель, с трудом добирающийся до телефона, болтающаяся трубка, полный отчаяния

женский голос на другом конце провода — кажется мне слишком преувеличенным...

Кристиане Пайтц. «Тагесцайтунг», Западный Берлин

Фильм серьезен по злободневности тематического материала, но по обрисовке характеров это легкая комедия, забавно-веселая благодаря метким диалогам. Подчеркнутая ирония и мучительные раздумья есть не только выражение творческой бесплодности и возрастного кризиса ранее преуспевавшего писателя, но и незавуалированная критика в адрес избалованных жизнью привилегированных особ социалистического общества. Даже знаменитая орвелловская фраза «равноправнее других» пробила себе дорогу в остроумный лексикон «Темы»!

Хейкки Этеляпяя. «Ууси Суоми», Финляндия

Глеб Панфилов — один из тех деятелей советского искусства, кому очень помогли ослабленные при Горбачеве вожжи. В условиях новой политики гласности «Тема» нашла себе достойное место. И оправдывает свое предназначение: премьера ее на фестивале в Западном Берлине была встречена долгими аплодисментами.

Фильм раскрывает духовную атмосферу, царившую в Советском Союзе в 70-е годы. Тупик Кима Есенина символизирует тупик всего советского искусства, а творческое истощение главного героя отражает общий культурный застой, царивший в политически монолитную брежневскую эпоху.

«Аамулахти». Финляндия

Фильм Панфилова насыщен духом русской нации, впечатляет необозримыми заснеженными просторами и маленькими городишками, несущими память о старой русской культуре и русских традициях. Но по своей сути «Тема» не выходит за рамки обычного.

Дорис Блюм. «Ди Вельт», ФРГ

Мало в мире можно назвать картин, которые бы показали так глубоко кризис творчества.

Ф. С. «Эль», Франция

«Тема» — фильм по душевной выразительности типично русский. Но когда думаешь о главной теме картины, об этом мастерском анализе сгорающей дотла человеческой жизни, в памяти всплывают мысли и ассоциации, не рожденные определенным обществом, но выступающие как вечные, универсальные

истины. Панфиловское изображение осыпанного почестями и благами писателя Кима Есенина (Михаил Ульянов), этого лишенного совести циника, вызывает одинаковый интерес и на Западе и на Востоке.

Ким Есенин знает, что пишет пьесы по заказу, угодные власть имущим и распределителям кредитов. Ему это на руку: система всегда щедро одаривает прислужников (возьмите для сравнения «Мефисто» Сабо)...

В «Теме» все построено на актерской игре. Михаил Ульянов, этот Спенсер Треси советского кино, целиком сживается с ролью. Инна Чурикова наделяет свою героиню умом и чувством. Исполнение — и внешний рисунок и внутреннее содержание — безусловно точное.

Микаэль Фрэнти. «Хэльсингин саномат», Финляндия

Фильм Панфилова актуален для художников всех стран. Его писатель — «двородный брат» наших, книги которых выставлены в магазинах на видных местах. Они идут в ногу со временем, но их будущее в плане финансового успеха весьма сомнительно и никакого вклада в общую культуру они не вносят.

А. де Ж. «Телерама», Франция

В фильме поднимаются (пусть лишь отчасти) проблемы, с которыми сталкиваются некоторые представители советской интеллигенции, не желающие делать выбор между комфортом и душевной гармонией... Восторги ряда западных критиков по поводу фильма вызваны тем, что они открыли для себя суть советской мелкобуржуазной интеллигенции, ничуть не отличающейся от западной, занятой более всего самой собой даже тогда, когда говорится, что она живет интересами общества.

П. Л. «Лютт увриер», Франция

«Тема» заставила многих в Советском Союзе стиснуть зубы. Для нас это не только самый смелый советский фильм последних лет, но и прекрасное, глубоко ироничное произведение, которое могло бы повлиять и на западную творческую интеллигенцию, пронизанную конформизмом.

Пьер Далби. «Франс католик экклезиа», Франция

Конечно же, «Тема» не бальзам для слуха политических руководителей, равно как и для их зрения: характеристики, даваемые режиссером оппортунистам и идеалистам, отмечены лукавством, иронией, непринужденностью, смелостью и меланхолией.

«Берлинер моргенпост», Западный Берлин

Проблемы героев касаются в той или иной степени каждого из нас: это любовь и доверие, одиночество, компромиссы, фальшь, конформизм, душевная пустота и ответственность за свое творчество. Актуальны для современности и поставленные фильмом проблемы творческой свободы и права выбора.

«Студентска трибуна», Болгария

Фильм, где грубость граничит с патетикой, похож вначале на обычную комедию нравов — до тех пор, пока в нем не появляются элементы трагедии. Персонажи обрисованы в острой и ироничной манере, что не исключает великодушного взгляда автора на вещи; достоинство картины — чудесное сочетание критического ума и сострадания, что достигается благодаря умной и прочувствованной режиссуре. Вне всякого сомнения, мы посмотрели один из лучших советских фильмов за последние годы

М. П. «Ле Матэн», Франция

Взаимоотношения между искусством и жизнью, индивидуумом и политической властью — истоки творческих поисков Панфилова, никогда не спекулировавшего на этом материале даже в полемике. Точно так же и здесь, в этой деликатной и утонченной истории, он разрабатывает сложную схему, где тщательный самоанализ постоянно соотносится с иносказательностью. Обрисовывая психологию персонажей, он использует символы, ночные заснеженные панорамы, огни домов в темноте, отыскивая в густоте и мягкости тонов, в необычных перспективах некую стабильность, являющуюся одним из самых больших достоинств фильма.

«Иль Темпо», Италия

Понятно, почему «Тема» семь лет не выходила на экраны и почему сейчас она нашла свое место на волне общего подъема советского кино. Панфилов, очевидно, предчувствовал эти изменения. Во всяком случае, он этого желал давно, поскольку уже в 1968 году в фильме «В огне брода нет» ставил вопрос о необходимости свободы творчества. Есть, очевидно, связь между двумя этими картинами, хоть они и повествуют о разных периодах.

«Франс-ЮРС мэгэзин», Франция

Мало кто умеет столь внятно, столь простыми словами выразить человеческие драмы, как это делает Панфилов... Панфилова волнует драма изображения правды в искусстве. Наверняка именно поэтому он выбрал героями писателей — уже по самой профессии эстетической нормой для них является создание правдивых характеров.

Панфилов исследует, кто есть кто и почему, под влиянием каких внешних и внутренних сил скрывается правда, не пишутся честные произведения.

«Тема» — борьба за ненаписанное или ненапечатанное произведение. Поведение людей, подобных героям фильма, способно ввести в заблуждение еще очень многих, но только не Панфилова.

Винце Залан. «Фильмвилаг», Венгрия

Социальная острота фильма несколько притупилась за годы лежания на полке, но сохранилась острота взгляда и выводов. Тема ученого, лишенного возможности заниматься своей профессией и желающего эмигрировать, далеко опережает развитие этой проблематики в польском кино. То, что в советском фильме произносится: «Тут все ложь», какой бы вывод из этого ни сделать, кое-что да значит...

Мацей Павлицкий. «Филм», Польша

Жюри фестиваля в Западном Берлине отдало пальму первенства фильму Панфилова потому, что помимо его эстетических достоинств в нем без всяких преамбул и обвиняков вещи называются своими именами.

Франсис Шелл. «Актюа-синс», Франция

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Тема»

«Мосфильм», 1979

Художественный фильм, цв., 9 ч.

Авторы сценария Г. Панфилов, А. Червинский. Режиссер
Г. Панфилов.

Оператор Л. Калашников.

В главных ролях: М. Ульянов, И. Чурикова, Е. Весник,
С. Никоненко, Н. Селезнева, С. Любшин.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Панфилов, А. Червинский «Тема»	5
Послесловие к «Теме»	78
Советская печать о «Теме»	106
Зарубежная печать о «Теме»	110
Фильмографическая справка	118

Панфилов Г., Червинский А.

П 16 Тема: Киносценарий. — М.: Искусство, 1989. — 119 с., ил. (Библиотека кинодраматургии).

ISBN5-210-00460-0

Сценарий «Тема», послуживший основой для одноименного художественного фильма, поднимает важные морально-нравственные вопросы о связи художника с жизнью, об истоках творчества.

Действие сценария разворачивается в небольшом старинном русском городке, куда в поисках темы для своей новой пьесы приезжает известный современный писатель, переживающий творческий кризис. Встреча с удивительной девушкой, сохранившей всю полноту и свежесть восприятия мира, приводит писателя к осознанию своей творческой и нравственной деградации.

Вместе со сценарием публикуется беседа создателей фильма — режиссера Г. Панфилова, сценариста А. Червинского, актеров М. Ульянова и И. Чуриковой, — посвященная тому, как создавался фильм.

Издание иллюстрировано.

П 4702010203-117
025[01]-89 **42-89**

ББК 85.374

**Глеб Анатольевич Панфилов,
Александр Михайлович Червинский**

ТЕМА

Редактор Л. Д. Ягункова. Художник Г. К. Александров. Художественный редактор О. В. Чарнолусская. Технические редакторы Т. Е. Царетели, А. Л. Резник. Корректор И. Н. Белозерцева.

И. Б. № 4037. Сдано в набор 21.09.88. Подписано и печати 14.04.89. А06913. Формат бумаги 84×100/32. Бумага тифдручная. Гарнитура Журнально-рубленая. Печать глубокая. Усл. печ. л. 5,835. Усл. кр.-отт. 12,5. Уч.-изд. л. 7,963. Изд. № 15678. Тираж 28 000. Заказ 2588. Цена 55 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Червинский Александр Михайлович родился в 1938 году в Одессе, окончил Московский архитектурный институт.

Несколько лет работал архитектором, потом стал писать сценарии и пьесы.

Автор и соавтор сценариев фильмов «Корона Российской империи», «Молодые», «Мужчины», «Исполняющий обязанности», «Верой и правдой», «Продлись, продлись очарованье», «Блондинка за углом», «Виктория» и других.

Работает и как театральный драматург. В нескольких театрах Москвы и других городов страны идут его пьесы «Счастье мое», «Из пламя и света», «Крестикнолики», «Ленинградец». Им также написана инсценировка по роману М. Булгакова «Собачье сердце».

55 коп.

